

УДК 327

В. С. Ягья

ПАРЛАМЕНТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В РОССИЙСКО-КОРЕЙСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ

ЯГЬЯ Ватаняр Саидович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «Мировая политика» факультета Международных отношений. Санкт-Петербургский государственный университет. 191060, ул. Смольного 1/3, 8 подъезд, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: vy190107@yandex.ru.

Парламентская дипломатия в настоящее время очень активна. Это наглядно видно на примере взаимодействия национальных и региональных парламентов России и Кореи. Статья представляет собой расширенный вариант доклада на 2-м политико-экономическом Форуме в рамках мероприятий Форума Диалог Россия-Республика Корея, состоявшемся в Санкт-Петербурге 14 июня 2016 г.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПАРЛАМЕНТЫ; РОССИЯ; РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ; ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА; ГОРОДА-ПАРТНЕРЫ; ГОРОДА-ПОБРАТИМЫ

В середине второго десятилетия текущего столетия небывало усложнились международные отношения, заметно изменилась их конфигурация, прибавилось хаотичности, непредсказуемости и турбулентности в мировом развитии, появились активно действующие в глобальной политике легитимные и нелегитимные организации, на мировую арену со всей своей конфессиональной, политической, идеологической и экономической мощью вышел ислам, потребовавший равноправного участия в международных делах, возросли масштабы терроризма и экстремизма, наряду с интеграционными процессами приумножились сепаратистские движения во многих странах, увеличивалось число гибридных войн, широко внедрялись цветные и бесцветные революции, арабовесенние события взорвали Арабский

Восток, принеся ущерб в 1 трлн. долл., финансовый кризис потряс мировое сообщество, война в Сирии оказалась бесконечной и т.д. и т.п. Конечно, перечисленными здесь ситуационными характеристиками жизнедеятельность мирового сообщества не ограничивается. Главным событием в мирополитической многоликости сегодня является, как сказал министр иностранных дел России С.В. Лавров, выступая 15 июня 2016 г. в Государственной Думе РФ, продолжающееся формирование полицентричной архитектуры мира, т.е. многополярности [1]. При этом, глава внешнеполитического ведомства заявил, что «ни одна страна или группа стран не может претендовать на то, чтобы в одиночку решать современные международные проблемы». С подобным подходом, лежащем в основе внешнеполитического курса России, стоит, несомненно, согласиться, добавив только о необходимости отвечать на текущие и новые вызовы человечеству, под эгидой ООН. Россия считала и считает, что игнорировать ООН как единственный универсальный орган, представляющий все мировое сообщество, невозможно.

Печальный опыт отказа от привлечения ООН к решению актуальных глобальных и региональных проблем подтверждается агрессией США против саддамовского Ирака, приведшей к хаосу, гражданской войне в этой арабской стране и росту в ней терроризма, а в конечном итоге – к возникновению обширной дуги нестабильности во всем исламском мире. Целесообразно привести в этой связи слова Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна, сказанные 15 июня 2016 г. во время беседы с Председателем Совета Федерации РФ В.И. Матвиенко: «Я бы хотел отметить огромный вклад России в работу ООН. Я абсолютно уверен, что без России, без политической воли, проявленной со стороны России, без активного участия и вовлечения России в деятельность ООН мало чего можно было бы достичь. И это реальность, которую нужно признавать» [2].

Эти слова прозвучали после того, как В.И. Матвиенко заявила: «Альтернативы ООН сегодня не существует, и мы выступаем за расширение взаимодействия России с ООН» [2]. В новой Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной президентом России В.В. Путиным 30 ноября 2016 г., четко указывается на центральную координирующую роль ООН как основной организации, регулирующей международные отношения [3]. Этой позиции Москва

непрерывно придерживается при обсуждении и принятии решений по сложнейшим проблемам текущего десятилетия. Неизменность подобного курса России с особой силой проявляется при формировании нового мирового порядка и в межгосударственных отношениях. Одновременно мировое сообщество все больше убеждается, что строительство нового мирового порядка без России невозможно [4]. Ярким примером этому может служить стратегическое партнерство между Россией и Республикой Корея, установившееся с 2008 г., когда в Москве на встрече президенты обеих стран Д.А. Медведев и Ли Мён Бак объявили об этом [5].

Значительная роль России в ООН, в том числе в поддержании её статуса на мировой политической арене, и в отношениях с Республикой Корея особо отмечалась на Втором политико-экономическом Форуме «Диалог Россия-Республика Корея», проходившем 14 июня 2016 г. В Санкт-Петербургском государственном университете под девизом «Республика Корея в условиях меняющегося мира». Прежде чем изложить суждения, представленные участниками этого крупного научного форума, необходимо сказать, что оно по существу предшествовало заседанию двадцатого Петербургского Международного Экономического Форума (ПМЭФ), состоявшемуся в городе на Неве 16–18 июня 2016 г., т.е. спустя два дня после российско-корейской встречи ученых, политиков, экономистов и государственных деятелей, а также проходившему за несколько месяцев до Восточного экономического форума во Владивостоке и саммита G-20 в Китае. Многие вопросы, обсуждавшиеся в Санкт-Петербургском государственном университете, не могли остаться без внимания на ПМЭФ-20, во Владивостоке и в Ханчжоу в Поднебесной. Об экономике, торговле и ресурсах, перспективах энергопотребления, инновациях, технических новшествах и конкретной деятельности речь шла на всех этих весьма влиятельных форумах. Конечно, на корейско-российском диалоге наряду с общемировыми и региональными проблемами общего плана речь шла главным образом о взаимоотношениях России и Республики Корея, ядерной программой Северной Кореи, региональной, глобальной и национальной безопасности. На ПМЭФ-20 и G-20 же дискуссии проходили преимущественно по самым актуальным мирополитическим и глобально-экономическим вопросам. Разумеется, имелись и весомые различия в статусе и количестве участников. Однако,

подчеркну еще раз, по отдельным аспектам общей тематике докладов, сообщений и авторских комментариев было немало схожего.

Надо признать, что и «Диалог Россия-Республика Корея», и ПМЭФ стали по своему политическому и экономическому значению крупными и очень влиятельными компонентами мягкой силы России и Республики Корея. Республика Корея как важный мировой актер постоянно упоминается во многих (если не во всех) внешнеполитических разработках российских исследовательских центров и правительственных инициативах, касающихся общего видения перспектив позиционирования России в мире, в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в политико-географическом четырехугольнике Россия-Корейский полуостров-Япония-Китай. Вот несколько конкретных фактов.

Выполняя поручение президента России В.В. Путина по расширению контактов с зарубежными учеными, в Российской Академии наук создана двухсторонняя российско-корейская комиссия, занимающаяся установлением исторической правды в отношениях двух стран и доведению ее до широких кругов мировой общественности [6]. На мой взгляд, необходимо активизировать её работу, достигнув также высокого уровня деятельности аналогичных комиссий историков по Германии, Австрии и Польше. Совместное изучение истории взаимоотношений России и Кореи, в том числе касательно Корейской войны, а также, конечно, объективное познание инициатив и стратегии трёхсторонних отношений между Россией, КНДР и Республикой Корея придаст нашему сотрудничеству с этим государством больше позитива, а мировому сообществу истинности в познании прошлого.

С 2010 г. был начат диалог корейско-российских студентов, который, как полагает ректор университета Корё Ким Пёнчхоль, «в последующем станет основной движущей силой РГ [*рабочей группы – В.Я.*] «молодежный диалог», задачами которого являются подготовка лидеров будущего поколения, укрепление взаимопонимания и расширение обменов путем укрепления практической солидарности и участия молодежи двух стран, способствовать устойчивому развитию общества» [7, с. 130]. В этих целях в Республике Корея расширяется преподавание русского языка и не только в университете Корё, где оно началось еще в 1974 г., но и в других университетах: например, в университете Ханкук,

где отделение русского языка было открыто еще в 1954 г. Выпускники этих двух вузов «на протяжении многих лет... в разных сферах корейско-российского сотрудничества занимают центральные позиции и играют значимые роли в развитии двустороннего взаимодействия» [7, с. 132–133]. В свою очередь в России увеличивается число юношей и девушек, а также взрослых людей, изучающих и знающих корейский язык. Немалое количество владеющих этим языком образовалось в студенческой среде, особенно на Дальнем Востоке и в городах европейской части России, где традиционно изучался в вузах корейский язык.

Тем самым и в Республике Корея, и в России идет активный процесс формирования востребованных талантливых и креативных специалистов, трудящихся во имя развития обеих этих стран, укрепления их позиций на мировой арене. В этом же контексте следует рассматривать подписанный в декабре 2016 г. Меморандум о сотрудничестве Санкт-Петербургского государственного университета и секретариата парламента Республики Корея [8]. В СПбГУ для реализации этого документа есть хорошая основа: на восточном факультете уже многие десятилетия есть кафедры корейской филологии и истории стран Дальнего Востока, а также с середины первого десятилетия текущего столетия работает институт исследования Кореи. В настоящее время уже немало выпускников СПбГУ трудится в Южной Корее. Один из них – известный профессор университета Кукмин А. Ланьков. Забегая немного вперед, не могу не привести здесь его мнение о перспективе размещения США противоракетной системы ТНААД в Южной Корее в противовес ракетно-ядерной программе Северной Кореи в случае избрания левого политика на пост президента (см. далее). Это мнение совпадает с моим. Д.А. Ланьков считает, что победа на выборах Мун Джэ Ина, придерживающегося левых взглядов, вряд ли приведет к отказу от расширения ТНААД, ибо «во-первых, размещение ТНААД имеет достаточно большую поддержку в народе. Во-вторых, озабоченности Китая и России по поводу комплекса недостаточно для того, чтобы поставить этот вопрос в центр повестки» [9]. В-третьих, позиция Д. Трампа по поводу американской защиты Японии и Южной Кореи в сравнении с предыдущими президентами не изменилась.

Группа членов общественного Совета по внешней и оборонной политики России предложила свое видение внешнеполитического курса

России. В виде тезисов оно представлено на сайтах этой организации. Одна из рекомендаций состоит в том, что «наработаны большие возможности углубления сотрудничества со странами АСЕАН, Японией, Южной Кореей» [10]. Развивая свои мысли, видные эксперты Совета по внешней и оборонной политике России предлагают в качестве приоритетной следующую задачу: «Наполнение поворота на Восток реальными проектами. Курс на создание вместе с Китаем, Индией, Ираном, вероятно, странами АСЕАН, Южной Кореей, союзниками по ЕАЭС, другими странами сообщества Большой Евразии, открытого для мира и нацеленного на сотрудничество со странами ЕС. Центральная организация для будущей российской политико-экономической ориентации – активизирующийся ШОС. Движение к созданию сообщества Большой Евразии позволит уравновесить рост мощи Китая, поместить его в широкие рамки. Это, видимо, выгодно и самой КНР, позволит избежать объединения против нее обеспокоенных ее мощью соседей» [10]*.

Мне представляется, что идеи о Большой Евразии получили бы еще большую весомость, если осуществить их сопряжение с «Евразийской инициативой», провозглашенной президентом Республики Корея Пак Кын Хе наряду с двумя другими программами её руководства страной – «Процессом установления доверия на Корейском полуострове» и «Инициативой мира и согласия в Северо-Восточной Азии». При этом для Сеула возрастает значение стратегического партнерства с Россией в политическом и экономическом плане. Эти инициативы остаются в силе, несмотря на импичмент этого главы южнокорейского государства.

Несомненно, это сопряжение вписалось бы в процесс сближения и сочленения китайской инициативы «Один пояс – один путь» и Евразийского экономического союза, что привело бы к формированию геополитического треугольника «Республика Корея-Китай-Россия» с пространственным размахом на территории их союзников и акторов реализации обозначенных евразийских инициатив. Видимо, и в Сеуле, и в Москве, и в Пекине придется учитывать американский проект «Новый Шелковый путь».

* Но в самом тексте тезисов участие Южной Кореи предусматривается как вероятность. Думаю, что надо говорить об обязательном включении Республики Корея в Большую Евразию.

Тем более что российский президент В.В. Путин высоко отозвался о США на ПМЭФ-20. «Миру, – сказал он, – нужна такая мощная страна, как Соединенные Штаты Америки, и нам нужна» [11].

После победы Дональда Трампа на выборах президента США в ноябре 2016 г. глава Российского государства В.В. Путин с надеждой говорил о возобновлении деловых, добрососедских и стратегических взаимоприемлемых отношений Россия–США, о нашей готовности, говоря словами 45-го американского президента, поладить с Вашингтоном, и о стремлении обсуждать с ним весь спектр мировых и межгосударственных проблем [12]. Последующие годы покажут насколько перемены, которые могут произойти во внешнеполитическом курсе Вашингтона, будут происходить в соответствии с неотложными потребностями мирового сообщества и разумностью повестки дня.

Конечно, в реализации американского проекта «Новый Шелковый путь», многое будет зависеть от Китая, либо, как полагают авторы «Стратегии для России. Российская внешняя политика: конец 2010-х – начало 2020-х годов», новая мощь Китая может восприниматься его соседями, в том числе и Россией, как угроза, и толкала бы Евразию к расколам. Иносказания и недомолвки в отношениях Россия-Китай-США, кстати, нередки в тексте этих тезисов о стратегии России, относящейся, судя по всему, до 2025 г. Авторы, говоря о появлении предпосылок формирования нового центра в складывающейся, по их мнению, новой (мягкой, как им представляется) дипполярности – Большой Евразии, в которой стержневую экономическую роль будет играть Китай, но «его превосходство будет уравниваться другими мощными партнерами – Россией, Индией, Ираном». Думается, что ни Индия, и тем более Иран в настоящее время не являются и в ближайшей перспективе не станут мощными экономическими и политическими державами. Вот уж кого нужно привлечь России для балансировки сил с Китаем в Большой Евразии в первую очередь, то это Южная Корея.

Странно, что в «Стратегии...» не упоминается пассаж из речи президента В.В. Путина на ПМЭФ-19 19 июня 2015 г., который по существу предшествовал идее Большой Евразии. Вот как он выглядит: «Карта глобального экономического развития меняется буквально на глазах. Страны Азиатско-Тихоокеанского региона, такие как Китай,

Япония, Южная Корея, государства АСЕАН, уже составляют четверть мировой экономики. В ближайшее десятилетие именно эти рынки будут основным источником роста мирового спроса на товары и услуги. При всех колебаниях, которые происходят в мире, и в политике, и в экономике, эта тенденция неизбежна. Логично, что вместе с партнёрами по Евразийскому экономическому союзу мы стремимся наращивать связи со странами АТР, устранять барьеры в торговле и инвестициях» [13].

Зато аналитики, составлявшие тезисы, о которых идет речь, могут гордиться тем, что президент В.В. Путин в своем выступлении на ПМЭФ-20, по-видимому, использовал именно их разработку о Большой Евразии. В отличие, правда, от них В.В. Путин заявил, что этот проект «открыт, безусловно, и для Европы, выразив уверенность в его взаимовыгодности, и подчеркнув ключевой характер ЕС в торгово-экономических связях России [11]. Идею формирования «Большой Евразии» поддержал на ПМЭФ-20 и президент Казахстана Н.А. Назарбаев, отметив, что казахстанская столица Астана позиционирует себя как деловой, культурный, научный и финансовый центр Евразии.

Включается ли в проект «Большая Евразия» весь мегаконтинент Евро-Афро-Азия, о котором так увлекательно писали выдающиеся российские востоковеды Л.И. Медведко и В.И. Шеремет [14, с. 10, 82].

Следует иметь в виду при этом, что крупный специалист по Турции П.В. Шлыков, анализируя турецкую политику в отношении Азии, Африки и Европы, предложил называть это обширное пространство взаимодействия афро-азиатских и европейски государств как Афро-Евразия [15, с. 45–51]. Об этом он говорил еще в 2015 г. на 3-ей встрече российских и турецких интеллектуалов в Анталье.

В.В. Путин в свою очередь допускает участие в «Большой Евразии» «наших партнеров по СНГ, других заинтересованных государств и объединений», т.е. среди последних возможны и страны Африки, и созданные на этом континенте интеграционные группировки. Один из участников ПМЭФ-20 петербуржец «вице-президент ООО «Экспофорум и президент IFI С.П. Алексеев, отвечая на поставленные газетой «Деловой Петербург» вопрос, нужна ли России дружба с Западом, сказал: «Петербургский международный экономический форум показал, что нам обязательно необходимо поддерживать контакт с Западом, как и с США, и

с Азиатским регионом, и с Африкой. Кстати, Африка к 2030 году будет самым интересным рынком в мире, как говорят аналитики» [16]. Аналогичную точку зрения касательно Африки высказал в беседе со мной председатель Сената Кении Д. Эгуро во время беседы в июне 2016 г. в Мариинском дворце, официальной резиденции Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. Вообще признается, что со временем экономический и политический вес Африки в мире заметно возрастет, и она перестанет в ближайшие годы, на мой взгляд, считаться самым экономически неразвитым регионом на планете Земля. В этом, кстати, одна из основных причин острого соперничества на континенте между Китаем и США; увы, Россия, несмотря на все громогласные заявления о её возвращении в Африку, во втором десятилетии XXI в., поездки её лидеров в африканские страны, приезд в Москву африканских руководителей, не может стать в ряд государств, занявших приоритетные позиции на этом континенте. Но то, что по прошествии десятка–двух лет кто-то из африканских стран запросится в «Большую Евразию», несомненно. Ведь взоры, например Египта, уже сейчас обращены на Шанхайскую организацию сотрудничества. Да, и Поднебесная, развивая свои шелкопутейные инициативы, не преминет подключить своих союзников и, откровенно скажу, зависимых стран в Африке к «Большой Евразии», чтобы усилить свои позиции в этом объединении. Как бы там ни было, подключение африканских стран к большеевразийской коалиции наполнит идею мегаконтинента конкретным содержанием. Позитивно на этом процессе скажется планируемое заключение Россией с рядом стран, в том числе с Кореей, Венесуэлой, Никарагуа, Перу, Турцией, Израилем, Чили [17], соглашений о свободной торговле. Возникающий процесс кросс-региональных соглашений о свободной торговле не исключает и Африку.

В шорт-лист Минэкономразвития России стран, с которыми предполагается подписать такое соглашение, вошел и Египет. Лиха беда начало, как говорится в русской пословице. Но факт остается фактом, что это соглашение с Египтом в случае его заключения будет реализовываться в рамках ЕАЭС, который, несомненно, войдет в «Большую Евразию». Вьетнам уже подписал с Россией такое соглашение, и пользуется соответствующими льготами в рамках ЕАЭС.

Отечественные политологи, готовые бить в литавры по всякому поводу или даже без повода лишь бы угодить власть предержащим, уже начали пророчить чуть ли не реализацию идей Большой Евразии незадолго до визита президента РФ В.В. Путина в Китай в конце июня 2016 г. Однако, как выяснилось, во время посещения Владимиром Владимировичем Поднебесной, хотя и было подписано 30 деловых и политически важных документов, речи о Большой Евразии не шло. Вот почему вряд ли стоило именовать этот визит с прицелом на Большую Азию [18]. В китайской прессе ничего не говорилось о Большой Евразии в связи с визитом В.В. Путина [19]. Хотя подчеркивалась необходимость наполнить сопряжение «Одного пояса – одного пути» и ЕАЭС, конкретными проектами, а также подключить этот китайский суперпроект к развитию регионов России и Сибири. Высоко оценивая результативность многочисленных встреч В.В. Путина и Си Цзиньпина, в Китае отмечали мысль российского президента, высказанную в эксклюзивном интервью генеральному директору агентства Синьхуа Цай Минчжао: «Сам факт взаимодействия Китая и России на международной арене – факт стабильности в мировых делах» и то, что «наши взгляды / России и Китая /на международные дела очень близки и совпадают» [20]. Такие взаимные российско-китайские отношения понуждают Южную Корею к развитию ресурсной дипломатии и внешнеполитической практики в отношении Африки, Азии и Латинской Америки. Так, президент Республики Корея Пак Кын Хе в 2015 г. совершила визиты в Кувейт, Саудовскую Аравию, ОАЭ, Катар, Колумбию, Бразилию, Чили и Перу. В свою очередь в Сеуле побывали главы государств и правительств Туркмении, Узбекистана, Таджикистана, Эфиопии, Сенегала, Гондураса, Иордании, Монако. В результате не только умножаются рынки сбыта южнокорейских товаров, но и растет её имидж в мировом сообществе как одной из ведущих и перспективных стран мира.

На саммите G-20, состоявшемся в Китае, в Ханчжоу, в сентябре 2016 г. Пак Кын Хе провела деловые встречи на полях этого крупного совещания лидеров ведущих экономик мира с наследником наследника Саудовской Аравии Мохаммедом бин Салманом и президентом Египта Абдул Фаттахом ас-Сисли. Помимо обсуждения глобальных мирополитических проблем, страны договорились о совместных усилиях

по развитию двусторонних экономических и торговых связей. В частности, корейский президент обещала помочь Эр-Рияду в решении задачи саудовской программы «Видение 2030».

Пристальное внимание Республики Корея к Африке нашло отражение и в специальном обращении президента Пак Кын Хе, направленном в адрес ЮНЕСКО в декабре 2015 г., в котором отмечалось значение науки, технологий и инноваций для устойчивого развития этого континента [21].

Актуально звучат слова президента Республики Корея Пак Кын Хе, сказанные на Втором Восточном экономическом форуме во Владивостоке в начале сентября 2016 г. о значении Дальнего Востока. Этот регион, являющийся, по её мнению, «новым сердцем России», в случае объединения Кореи станет мостом процветания и мира вследствие соединения Евразии с Азиатско-Тихоокеанским регионом [22]. Особо она подчеркнула важность проведения президентом России В.В. Путиным новой восточной политики, в результате которой «Дальний Восток становится мостом для соединения Республики Корея и России» [22]. Продолжая излагать свои взгляды на роль российского Дальнего Востока, набирающего экономическую мощь и усиливающего интеграционный потенциал Евразии, Пак Кын Хе упоминает о наличии различных евразийских концепций, инициированных государствами Северо-Восточной Азии, в том числе самой Республикой Корея. Собственно вслед идей, высказанных президентом В.В. Путиным на ПМЭФ-20 в 2016 г., она заявила, что, если Республике Корея удастся заключить соглашение о свободной торговле с ЕАЭС, подобное тем, что были подписаны с США, Китаем и ЕС, то это усилит интеграцию в Евразии, оживит развитие Дальнего Востока и будет способствовать росту экономики Евразии (Экспертная работа по вопросу создания зоны свободной торговли между ЕАЭС и Республикой Корея завершилась успешно к октябрю 2016 г. В настоящее время ведутся официальные консультации [23]). Пак Кын Хе подчеркнула, что предложенное В.В. Путиным формирование Большой Евразии находится в русле корейской евразийской инициативы. Заявив так, она признала важность того, о чем говорил российский президент в Петербурге в июне 2016 г., и действенность высказанных им тогда идей касательно глобальной и

региональной безопасности. Их поддержка корейским президентом так или иначе присутствовала и в её речах и на её встречах на полях G-20, в том числе с премьер-министром Италии Маттео Ренци и с Председателем КНР Си Цзиньпином [24].

В ходе этой беседы Пак Кын Хе поблагодарила Китай за поддержку освободительной борьбы Кореи за независимость и заверила своего собеседника в том, что корейское правительство намерено твердо развивать отношения со своим великим соседом. Она заявила также, что двусторонние отношения, направленные в том числе и на упрочение региональной безопасности, получают новые стимулы развития в 2017 г., когда будет отмечаться двадцатипятилетие установления дипломатических отношений. На этой встрече, второй в 2016 г. (первая проходила во время Вашингтонского саммита по ядерной безопасности в марте 2016 г. [25]), подчеркивалась важность корейско-китайского сотрудничества и делались заверения в продолжении стратегического партнерства, а также по взаимодействию в противодействии внешним глобальным и региональным вызовам, включая северокорейские ядерные противоречия (см. ниже).

Особое значение с точки зрения развития отношений с приоритетными державами имел визит Пак Кын Хе в Китай в 2015 г., который наряду с США, в Сеуле рассматривался не только с позиций укрепления двусторонних отношений, но и упрочения региональной и национальной безопасности, в том числе обсуждения северокорейской ядерной программы.

Не меньшее значение (а в ряде ситуаций большее) имели встречи Пак Кын Хе с российским президентом В.В. Путиным на полях саммитов АТЭС, «G-20» в Брисбене, Климатической конференции ООН в Париже, а также во время торжеств в Пекине по случаю 70-летия окончания Второй мировой войны. Мирополитический статус Южной Кореи, к чему особые усилия прилагала Пак Кын Хе и её администрация, заметно возрос в результате официального визита В.В. Путина в Республику Корея в ноябре 2013 г.

Конечно, в беседах с руководителями ведущих государств мира не обходилось без рассмотрения территориальных споров с Японией, отношения с которой Сеул строит с учетом двух факторов: союзничества с США и угроз со стороны Пхеньяна. Позитивно на обстановку в Северо-Восточной Азии сыграла встреча 2 ноября 2015 г. в южно-корейской

столице Пак Кын Хе и премьер-министра Японии Синдзо Абэ. Конечно, нерешенных проблем (попутно замечу, что по острейшей проблеме так называемых «женщин для комфорта» удалось достигнуть приемлемой для обеих стран договоренности – японское правительство согласилось выплатить денежную компенсацию жертвам сексуального насилия со стороны японских оккупационных солдат и принести извинения).

Обеспокоенность Южной Кореи, Японии и США ситуацией на Корейском полуострове связана и с угрозами, раздающимися из Пхеньяна, о применении ядерного оружия первыми для защиты своего суверенитета. Воспринимается это, однако, часто, как готовность нанести первыми ядерный удар и по США, а не только по соседям Японии и Республике Корея. К беспокойству в Сеуле, Токио и Вашингтоне, да и в Москве и Пекине по поводу ракетно-ядерных намерений Северной Кореи склоняют некоторые опрометчивые далеко не сдержанные заявления северокорейских руководителей. Изменить такое мнение не могут даже четкие заверения лидера КНДР Ким Чен Ына. Так, выступая 21 апреля 2016 г. во Дворце культуры, он заявил: «Наша республика – ответственная ядерная держава, которая, как мы уже разъясняли, не будет использовать ядерное оружие первыми, если агрессивные враждебные страны сами не применят ядерное оружие, чтобы подвергнуть вторжению в наши суверенные пределы» [26].

Ему также принадлежит призыв к США не вмешиваться в межкорейские отношения, а также пожелания улучшить связи с враждебными нациями и путем переговоров с Южной Кореей устранить взаимные недопонимание и недоверие. Однако, ситуация на Корейском полуострове развивается так, что веры к Пхеньяну у большинства задействованных стран в разрешение существующей и нарастающей конфликтности в этом регионе мира не прибавляется. Примечательны слова бывшего посла России в Сеуле А. Панова: «Конфликт Севера и Юга – еще один пример жесткого противостояния, когда никто друг другу и пяди уступить не хочет» [27].

Для окружающего мира, и прежде всего КНДР, особое беспокойство вызывают военные связи по линии Республика Корея-Япония-США, в связи с чем Пхеньян объясняет свою активность в ядерно-ракетной области, а названная тройка государств в свою очередь аргументирует

развивающееся сотрудничество в сфере вооружений, военных маневров и создания ПРО как раз северокорейской ядерной программой.

Бывший российский посол в Пхеньяне Валерий Денисов: «северокорейское руководство очень чувствительно относится к своему суверенитету и испытывает недоверие к США. Усиление военного сотрудничества Южной Кореи и США еще больше загонит ситуацию в тупик, в то же время Москва и Пекин выступают за возобновление диалога и давить на Пхеньян не видят смысла» [28]. Весьма интересно мнение заместителя директора Института стран Азии и Африки МГУ им. М. Ломоносова А. Корнеева: «Лидер КНДР Ким Чен Ын, – говорит А. Корнеев, – действует упреждающе: чем дальше заходят испытания, тем меньше шансов применения военной силы со стороны других игроков. В системе, где все замкнуто на одного человека, остается большое пространство для интриг и домыслов, а в Южной Корее создана целая индустрия фабрикаций о северном соседе. Хозяином положения является Китай, Россия может предлагать свои услуги лишь в период охлаждения отношений между Пекином и Пхеньяном: «После каждого испытания Китай демонстрирует неудовольствие, но у китайцев дипломатия многоподъездная, и эту ситуацию особенно при обострении отношений с США они могут обратить в свою пользу» [28].

Российская Федерация осудила все ядерные испытания и ракетные пуски (с марта 2016 г. по февраль 2017 г.) Северной Кореи. В октябре 2016 г. Министерство иностранных дел России вновь подтвердило, что ракетно-ядерные амбиции КНДР не приемлемы для нашей страны [29]. Еще раньше на Смоленской площади не могли не обратить внимания также на возобновление в КНДР производства плутония, а также на сообщения о реактивировании ядерного реактора в Йонбене [30]. Министр иностранных дел РФ С.В. Лавров призвал в сентябре 2016 г. после очередных ракетно-ядерных испытаний, осуществленных Пхеньяном, «Запад поискать «креативные подходы» вроде тех, что были найдены в ситуациях с иранской ядерной программой и химической демилитаризацией Сирии» [30]. Почему-то нашлись эксперты, кто насчитал, что эскалация ракетно-ядерных испытаний – это намек Пхеньяна, обиженного якобы на отсутствие внимания мировых держав на переговоры по иранскому образцу [31]. И хотя осуждения КНДР

посыпались со всех сторон: из ООН, США, России, Китая, Японии, Кореи и ряда других государств, воз и ныне там, как говорят на Руси. Есть и другая пословица: «а Васька слушает, да ест». То есть для Пхеньяна эти публичные декларации не имеют по существу никакого значения. Вспоминается ответ Голды Мейр в бытность премьер-министром Израиля, на вопрос о резолюциях ООН касательно этого государства: «Резолюции – не танки, они не стреляют».

В целях обеспечения стабильности, безопасности и устойчивого развития в Азиатско-Тихоокеанском регионе и поддержания традиционно дружественных отношений с обоими государствами на Корейском полуострове Россия будет, как подчёркивается в её новой Концепции внешней политики, «добиваться снижения уровня конфронтации, ослабления напряженности на Корейском полуострове, а также достижения примирения и развития межкорейского сотрудничества посредством развития политического диалога. Россия неизменно выступает за безъядерный статус Корейского полуострова и будет всемерно содействовать его денуклеаризации, исходя из того, что средством достижения этой цели являются шестисторонние переговоры. Российская Федерация продолжит прилагать усилия в целях формирования механизма поддержания мира и безопасности в Северо-Восточной Азии, а также будет принимать меры по расширению экономического взаимодействия в регионе» [32]. Так за чем же стало дело: надо было поручить специалистам-мидовцам разработать подобный проект. Накопленный в КНДР опыт в ракетно-ядерной сфере позволил её руководителю объявить на весь мир о готовности нанести упреждающий ядерный удар по США, а угрозам в адрес Республики Корея и Японии нет числа. Что здесь больше бравады или реальности, трудно судить, но тем не менее это заставляет задуматься еще в большей степени, чем раньше ведущие мировые державы над северокорейской угрозой, займутся вплотную этой проблемой, тем ранее становится процесс её устранения [33]. А пока суть да дело, по сообщению агентства Ренхал со ссылкой на источники в военных кругах Сеула, американский спецназ и вооруженные силы Южной Кореи сформируют специальное подразделение, целью которого будет ликвидация лидера КНДР Ким Чен Ына в случае войны с Северной Кореей. «Впервые о планах ликвидации северокорейского

лидера Сеул объявил после того, как в сентябре Пхеньян провел самое масштабное в своей истории ядерное испытание. Мощность взрыва была больше, чем у бомбы, сброшенной на Хиросиму в 1945 году» [34]. Подтверждение эта информация не получила в СМИ. Но после насильственной смерти (отравления) 13 февраля 2017 г. в аэропорту Малайзии Ким Чен Нама, старшего брата северокорейского лидера, 16 февраля 2017, хотя и не без участия Южной Кореи и США (что общепризнано), в Пхеньяне усилили охрану Ким Чен Ына.

В отношении КНДР в мире начался с недавних пор поиск страны, которая могла бы воздействовать на Пхеньян. Видимо, этот поиск, как предполагает ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН Е. Ким, завершился негласной договоренностью между Россией и Китаем «о том, что все, что касается Северной Кореи, в ООН будут регулировать они. А мы автоматически поддерживаем все резолюции Совета Безопасности, связанные с санкциями против Северной Кореи, потому что это американцы согласовали с китайцами» [35]. Может быть и так. Но в любом случае, на мой взгляд, Поднебесная играет первой скрипкой в разыгрываемом концерте в Северо-Восточной Азии, где главным дирижером ядерно-ракетных событий является Северная Корея. При этом нельзя упускать из виду мнение руководителя Центра изучения Юго-Восточной Азии и Австралии Института востоковедения РАН проф. Д.В. Мосякова: «Фактически в регионе начинается гонка вооружений. Южная Корея создает систему обороны противоракетной, а, соответственно, Северная Корея будет создавать все возможности для того, чтобы преодолеть эту систему обороны. Потому что понимает, что это фактор выживания Северной Кореи, возможность нанести невосполнимые потери Южной Корее в случае агрессии против севера» [36].

Обычно называя Китай главной страной, которая может воздействовать на КНДР, исходят из того, что у России нет серьезных рычагов влияния на КНДР [37]. Представляется, что позиция Китая определяется его отношениями с США: при их обострении мгновенно с небывалой, чем прежде, силой запускается северокорейский фактор; тем самым Поднебесная добивается своих целей в конфликте с Вашингтоном. Если согласиться с такой точкой зрения, то необходимо признать, что Пекин подбирает время от времени, в угоду собственным целям, на

производство и испытание ядерного оружия. Вряд ли, хотя... Миру известны аналогичные действия. Тем более показательны слова сотрудника Центральной партийной школы Чжан Ляньгуйо том, что для Китая оказалось слишком сильное давление на КНДР – значит помогать США, Пекин это делать не собирается» [38]. Заведующий отделом Кореи и Монголии Института востоковедения РАН Александр Воронцов сказал, что «В Южной Корее есть часть политиков, которые выступают за создание собственного ядерного оружия или размещение американских ядерных сил в стране. Но это течение не представляет мейнстрим. А США всегда категорически отказывались пойти навстречу таким стремлениям. Они выступают за жесткое соблюдение договора о нераспространении» [39]. В Вашингтоне прекрасно понимают, что в случае нарушения режима нераспространения ядерного оружия в числе его обладателей могут оказаться до 30 стран мира, находящихся уже в настоящее время на пороговом состоянии и тогда не избежать катастрофы гибели человечества.

После того как выяснилось, что КНДР возобновила производство плутония и, выдворив из страны инспекторов МАГАТЭ, реактивировала, судя по всему, ядерный реактор в Йонбёне, стало понятно, что одними санкциями, даже ужесточив их, не отделаться. Для отказа Пхеньяна от своей ядерной программы нужны иные, более действенные меры. Как считает руководитель Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН А.З. Жебин, «Сейчас уже окончательно ясно, что одними санкциями проблему не решить. Как и в случае с Ираном, нужна конструктивная программа, пакет тщательно откалиброванных поэтапных мер, включая отмену санкций, которыми будет поощряться движение КНДР сначала к замораживанию, а затем и свертыванию ее военных ядерной и ракетной программ» [40]. Этот ученый, ссылаясь на необходимость учета реалий, полагает, что поскольку КНДР стала де-факто ракетно-ядерной державой, заставить её отказаться от полной ликвидации всех её ядерных и ракетных программ нереально. В этом проявляется его (а, может быть, с его подачи и кое-кого из официальных лиц) желание, тщательно скрываемое от мировой общественности, от мирового сообщества, согласиться с ядерным статусом КНДР. Пример тому в мировой практике уже имеется – Израиль. Но почему тогда надо было России, по разумению тех же специалистов, упразднение иранской

ядерной программы. (Тем более что в настоящее время Д. Трамп всячески стремится пересмотреть антиядерное соглашение с Ираном и ввести новые, более жесткие санкции против него.) Вашингтон не могут не насторожить заявления председателя парламента Ирана Али Лараджани от 19 февраля 2017 о том, что Тегеран стремится создать стратегический альянс с Россией. Не сказывается ли в отношении КНДР советское мышление, проявлявшееся в доктрине Брежнева. И не в том ли духе следует рассматривать уверения экспертов и журналистов, говорящих о ракетно-ядерных ухищрениях Пхеньяна, в том, что КНДР имеет право на оборону [41]. Такое складывается впечатление, что Иран не имел подобного права, когда его склоняли полностью отказаться от ядерной программы. И совершенно верно поступает российское руководство, когда говорит о своей обеспокоенности ракетно-ядерными приготовлениями КНДР [42]. И ни разу никто в Кремле не выразил своего недовольства, скажем, по поводу того, что Республика Корея оснастила шесть судов баллистическими тактическими ракетами [43], ибо в Москве понимают смысл этой ответной реакции Сеула, на успешный запуск Северной Кореей с подводной лодки ракеты, которая пролетела 500 км в сторону Японии.

Кстати, этот факт получил широкое обсуждение на встрече министров иностранных дел Японии, Китая и Республики Корея, соответственно Фумио Кисиды, Ван И и Юн Бён Се 24 августа 2016 г. [44] Они обменялись своими взглядами на происходящие события, связанные с участвовавшими испытаниями ракетной и ядерной техники КНДР, с имеющимися противоречиями из-за корейско-японской готовности разместить американскую систему THAAD X-Band, обладающую особым радаром, способным прослушивать весь северо-восток Китая и значительную часть российского Дальнего Востока. Тем не менее, несмотря на предвыборные обещания избирателям нового президента, Вашингтон согласился установить эту систему и продолжить защиту и Японии, и Республики Корея. Посол Сеула в Москве Пак Ро Бёк заверил, что безопасность России и Китая не пострадает от THAAD. По его словам, «ее размещение следует рассматривать как обеспечение самообороны. «При этом ее развертывание в Республике Корея не имеет отношения к глобальной американской ПРО, – пояснил он. – Дальность разведки этого

радар не превышает 600–800 км, а его использование нацелено только на баллистические ракеты Северной Кореи. Ракеты-перехватчики не могут быть запущены против российских межконтинентальных баллистических ракет». В общем, система THAAD не нарушает стратегических интересов России, утверждает посол» [45]. Для Сеула важное значение имел телефонный разговор и.о. президента Республики Корея Хван Гё Ана с Д. Трампом, в ходе которого было подтверждено укрепление совместного оборонного потенциала и взятые ранее обязательства США защищать Южную Корею. Визит в Сеул министра обороны США Джеймса Мэттиса в феврале 2017 г. ознаменовал собой новый шаг в развитии американо-южнокорейского военно-оборонного сотрудничества [46]. Отношения этой тройки государства Южная Корея-Япония-США осложнились из-за выборов Дональда Трампа 45-м президентом США и его указе о выходе США из Транстихоокеанского соглашения.

На встрече с лидером КНР Си Цзиньпином, состоявшейся на полях G-20 в Ханчжоу, президент Южной Кореи Пак Кын Хе разубеждала своего китайского коллегу в наличии каких-то опасностей для Поднебесной из-за установки THAAD (Terminal High Attendance Area Defence). Она особо подчеркивала, что эта система направлена только против ракетно-ядерного оружия Северной Кореи для защиты Южной Кореи. Корейский президент заявляла, как только вопрос о денуклеаризации Северной Кореи и её отказ от ракетной техники решится, надобность в THAAD отпадет. Кроме того, Пак Кын Хе выразила надежду, что конструктивный диалог между Кореей, США и Китаем по этой проблеме будет иметь место [47].

Обсуждались президентом Республики Корея на полях G-20 и экономические вопросы. Тем более, что она в своей речи на пленарном заседании заявила о необходимости развития креативной экономики (the creative economy as a new model for inclusive innovation). Её собеседники отмечали, как правило, высокий уровень инновационно-технического развития Южной Кореи. Об этом, в частности, говорил премьер-министр Италии Маттео Ренци. Экономические идеи корейского президента, в частности касательно возрастающего значения науки, технологий и инноваций для устойчивого развития Африки, высказанные еще в декабре

2015 г. в специальном послании ЮНЕСКО, нашли отражение в заключительном коммюнике саммита G-20.

В известной мере южнокорейские подходы к современному развитию мировой экономики перекликаются с предложениями России, основанным и на многоуровневом моделировании евразийской интеграции, на создании единого экономического пространства в Азиатско-Тихоокеанском регионе, на превращении Дальнего Востока в один из центральных районов развития России, на предотвращении конфликтных ситуаций в этой части света.

По существу в контексте этих совпадающих инициатив по развитию экономики Республика Корея ведет, притом небезуспешно, переговоры о вхождении в капитал Евразийского банка развития. В случае предоставления южнокорейскому партнеру крупной доли в капитале этого Банка было бы обеспечено повышение его рейтинга.

К числу крупных предложений российских компаний Республике Корея, отражающих инновационный путь развития хозяйства России, относится проект реконструкции Транссибирской железнодорожной магистрали. В случае его реализации совместно с южнокорейскими компаниями евразийская интеграция приобретает новые впечатляющие мотивации и структуры взаимодействия этих двух государств. Позитивным фактором в экономическом сближении обеих стран, да и в росте взаимодоверия, несомненно, является отказ Южной Кореи голосовать на Генеральной Ассамблее ООН в ноябре 2016 г. по резолюции о ситуации в Крыму, представленной Украиной и поддержанной западными странами [48].

На межгосударственные отношения Республики Корея с зарубежьем на первых порах отрицательно не сказался внутривнутриполитический скандал, связанный с коррупционной деятельностью подруги южнокорейского президента Пак Кын Хе [49]. Однако обстановка в Южной Корее в связи с этим скандалом, связанным с противозаконной деятельностью лучшей подруги Пак Кын Хе и ею поощряемой в нарушении её государственных полномочий и обязательств, обострилась до такой степени, что Пак Кын Хе объявили импичмент и временно президентские полномочия перешли к премьер-министру Хван Гё Ану. Примечательно его обращение к сотрудникам государственного аппарата после возложения на него

обязанностей президента: «все госслужащие должны сделать все возможное, чтобы предотвратить любые разрывы в области дипломатии, безопасности и экономики» [50]. В возникшей ситуации министерство иностранных дел Республики Корея сообщило, что до избрания нового главы государства внешнеполитический курс не изменится [51]. По-видимому, надежды ряда аналитиков на изменение нынешнего очень жесткого подхода Сеула к Северной Корее, связанные с возможным приходом к высшей власти в Республике Корея на предстоящих выборах Мун Джэ Ина, политика левых взглядов, преждевременны [52]. По моему мнению, в случае выдвижения своей кандидатуры экс-генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун (он отказался, однако) сможет одержать победу на выборах президента Кореи, и тогда в дело пойдут те же принципы, которых он придерживался на самом высшем посту в ООН. И это значит санкционный курс в отношении Северной Кореи останется без изменений. «Правящая партия [которая, как предполагают, выдвинет Пан Ги Муна на выборы президента Республики Корея – В.Я.] строит свои расчеты на том, что перспектива увидеть своим президентом бывшего «президента мира» польстит южнокорейскому электорату. Это позволит привлечь необходимое количество голосов. Консервативные силы, которые нынче правят бал в Сеуле, видят в Пан Ги Муне удобного для них президента, который, не имея особых политических амбиций, не будет ни с кем конфликтовать, – отметил Г. Толорая. – Шансы у Пан Ги Муна есть – но не потому, что он естественный лидер страны, а потому, что у оппозиции нет ярких кандидатов» [53]. Нельзя не учитывать мнение профессора МГИМО(У), директора Центра российской стратегии в Азии Института экономики РАН Г. Толорая о деловых качествах Пак Кын Хе, а именно: «Она оказалась недостаточно эффективным менеджером, практически провалила политику в отношении Северной Кореи испортила отношения с Китаем, что негативно сказалось на южнокорейской экономике. С Россией отношения тоже складывались не лучшим образом. Достигнутые в 2013 году соглашения по трехстороннему сотрудничеству, включая Северную Корею, и инвестиционным проектам не были выполнены в связи с обострением отношений с Пхеньяном и антироссийскими санкциями. Хотя Сеул формально к западным санкциям

не присоединился, бизнес и банки предпочли воздержаться от крупных проектов в России» [53, 54].

Как бы там ни было после предстоящих выборов президента Республики Корея, мы останавливаемся в своих суждениях на обстановке с её трендами и треками на 20 февраля 2017 г.

Южно-корейский президент Пак Кын Хе заявила о переходе к политике изоляции Северной Кореи, что предусматривало, в частности, разрыв экономических связей с КНДР, закрытие комплекса предприятий Кэсон, куда южнокорейские бизнесмены вложили немалые средства, возобновление антисеверокорейской пропаганды через систему приграничных громкоговорителей. Более того, она жестко потребовала от Пхеньяна ядерного разоружения и отказа от ядерной программы, как первых шагов на пути предстоящих полномасштабных переговоров. В Сеуле из-за ракетно-ядерных испытаний, проведенных в 2016 г. Северной Кореей в нарушение имеющихся резолюций ООН, по существу отложили выполнение провозглашенных еще в 2007 г. т.н. восьми шагов к объединению, которые были зафиксированы в совместной декларации, подписанной тогдашним президентом Южной Кореи Но Му Хеном и лидером КНДР Ким Чен Иром на межкорейском саммите в Пхеньяне. Да, и северокорейская сторона, активизировав в 2016 г. свои ядерные и ракетные испытания, отнюдь тем самым не способствовала объединительным и миротворческим процессам на Корейском полуострове и укреплению безопасности в регионе и мире в целом. Новый руководитель КНДР Ким Чен Ын, провозгласив свою страну ядерным государством и курс на совершенствование ядерного оружия и развитие ракетной техники, выступил с противоположной Сеулу инициативой, а именно: вначале конструктивные переговоры, потом ядерное разоружение. Вот очень интересный сюжет из информации российского журналиста В. Скосырева: «То, что Пекин рассматривает ядерную программу КНДР как угрозу своей безопасности, известно. Но вот интернет-журнал *Diplomat* сообщил, что китайская разведка еще в конце 1990-х годов сотрудничала с Агентством национальной безопасности (АНБ) США в наблюдении за северокорейским ядерным комплексом. По соглашению 1994 года с США, Китаем, Россией и другими участниками переговоров Пхеньян должен был положить конец своей ядерной программе. А взамен должен был получить

от США реакторы, приспособленные только для мирного применения атомной энергии, а также поставки горючего из ряда государств.

Реакторы не были поставлены, и договоренность рухнула. Журнал утверждает, что АНБ при помощи китайцев установило: Северная Корея продолжала вопреки договоренности втайне обогащать уран. Вот что стало подоплекой кризиса, который ныне приобрел еще более острый характер. Якобы тайное стало явным благодаря высказываниям отставного высокопоставленного чиновника АНБ. А их обнародовали коллеги бывшего сотрудника ЦРУ Эдварда Сноудена, получившего убежище в России» [55].

Однако растущую обеспокоенность в Китае, да и в России, разумеется и в КНДР вызывают реальные шаги Вашингтона и Сеула по размещению ПРО ТНААД на южнокорейской территории. Южнокорейско-американская договоренность о создании этой противоракетной системы в Южной Корее достигнутая в июле 2016 г. и предусматривающая её размещение в 2017 г., вызвала резкую критику со стороны России и Китая. И в Москве, и в Пекине заявили о нарушении тем самым военно-стратегического баланса в этой части мирового сообщества. Особенно забеспокоились в Китае, ибо, как утверждает ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН К. Асмолов, Поднебесная в результате размещения ПРО ТНААД в Южной Корее более уязвима, чем Россия, вследствие чего «подход Пекина к корейской проблеме может измениться». По его мнению, «у КНР уменьшается желание оказывать давление на Пхеньян, чтобы он прекратил проводить ядерные и ракетные испытания. Потенциально отношения Китая и КНДР могут потеплеть, а с Южной Кореей, напротив, охладеть»[56]. О реакции Москвы и Пекина пока можно судить по следующим фактам. «Заместитель министра иностранных дел РФ Игорь Моргулов выразил послу Южной Кореи серьезную озабоченность Москвы. А представитель МИД КНР Лу Кан потребовал прекратить развертывание ТНААД, добавив, что Китай защитит свои интересы» [56].

Санкционная блокада Северной Кореи, предусмотренная резолюцией СБ ООН № 2270, без Китая, если он откажется ей следовать в полном объеме из-за ПРО ТНААД, провалится, так как на Поднебесную приходится 90% северокорейской торговли, и он сокращает ввоз товаров с

севера Кореи из-за санкций. Противоракетный курс Южной Кореи и США, основанный на американской системе, отражает опасения Сеула, но не учитывает факт баланса в этом регионе. Уместно привести здесь высказывание заместителя министра обороны Республики Корея Ю Че Сына: «Северокорейская ракетная и ядерная угрозы нарастают. Мы ускорили переговоры с США и теперь объявляем о достижении договоренности о размещении комплекса на как можно более ранней стадии, чтобы пресечь все домыслы и спекуляции» [57]. Надо, правда, при этом иметь в виду, что Южная Корея сама разрабатывает крылатые ракеты «Хёнму-3С» нового поколения, способные поражать северокорейские объекты, а также активизировала работы по созданию новейших баллистических ракет радиусом действия 800 км. Конечно, все это не идет в сравнение с масштабами и мощностью ядерного и ракетного оружия Северной Кореи. По мнению крупного корееведа профессора южнокорейского университета Кукмина Андрея Ланькова, выпускника Санкт-Петербургского государственного университета, «в США и Южной Корее окончательно возобладали «ястребы», уверенные, что только полная блокада может изменить расчеты Пхеньяна и заставить КНДР отказаться от ядерного оружия» [57]. Будущее покажет, прав ли А. Ланьков. Однако, мне представляется, что вряд ли это может остановить Пхеньян от приумножения своей ядерной и ракетной мощи и пойти по пути уничтожения оружия этого типа. Да, и размещение ПРО ТНААД в Южной Корее не подвигнет КНДР на такой шаг. Нужны коллективные действия взаимного доверия по укреплению безопасности на Корейском полуострове.

Вероятно, позитивную роль в нормализации военно-политической и геостратегической обстановки на Корейском полуострове со временем сыграют появившиеся признаки предпринимательской деятельности в КНДР. «Но признаки изменений уже появились, стимулом для развития частного бизнеса стал экономический кризис, – говорит руководитель сеульской организации перебежчиков из КНДР «Солидарность интеллектуалов Северной Кореи» Ким Хын Кван, – власти не могут пресечь массовую рыночную деятельность корейцев, вынужденных искать возможности прокормить себя в условиях дефицита продуктов, распределяемых государством. Правда, такая деятельность ограничена

одной торговлей» [58]. Уже упоминавшийся А. Ланьков полагает, что «после проведения небольших реформ в КНДР частный бизнес проникает в такие отрасли, как розничная торговля, транспорт, общественное питание и рыболовство [*а также добавлю от себя – в IT – В.Я.*]... На частный сектор может приходиться от 25 до 50% северокорейской экономики» [58]. Конечно, что все это – первые ростки политики частного предпринимательства в КНДР, развитию которого препятствует коммунистическая идеология, в том числе отрицание частной собственности, строгая подчиненность жизнедеятельности граждан власти, их требованиям и политическим установкам.

На мой взгляд, происходящие в экономической структуре КНДР перемены, пусть еще очень слабо развитые, необходимо учитывать при оценке будущих перспектив Корейского полуострова. Вероятно, необходимо также задействовать ускорение процесса продвижения реализации соглашения Китая о свободной торговле с Японией и Южной Кореей [59]. Хотя вряд ли это изменит геополитическое положение Республики Корея, своеобразно называемое сэндвичем, когда Южная Корея фактурно лежит промеж Китая и Японии, придающих республике определенную привлекательность и в то же самое время придавленность от сложных китайско-японских отношений. По-видимому, ПРО ТНААД призвано избавить также Республику от этой сэндвической ситуации. Тем более что эта система приведет к изменению и нацеленности китайских 51 ракетных установок в сторону Японии, расположенных в присеверокорейской сухопутной границе Поднебесной.

А. Эггерта, ведущего программы и комментатора телеканала «Дождь», по поводу того, что «в Москве ждут выборов в США, чтобы предъявить новому президенту старые счета и посмотреть получится ли добиться уступок. Например, по теме ПРО. А если не сложится, то можно будет снова вспомнить о растущей мощи Китая и упомянуть его в следующей речи. Россия – страна «сигналов». Участники Санкт-Петербургского форума вновь приедут через год их ловить и расшифровывать» [60]. Когда пишу эти строки, еще не сложилось, хотя заверений с той и другой стороны о готовности к соучастию в налаживании отношений хоть отбавляй. По моему, ожидать масштабных сдвигов не приходится, если учесть хотя бы позицию по Крыму, который

по заявлениям Вашингтона, должен быть украинским, но укрепление НАТО за счет увеличения бюджетных ассигнований стран-членов на обороноспособность альянса и его реформирование, ввод авианосной ударной группы ВМС США в Южно-Китайском море для патрулирования, осуждение России за признание паспортов, выданных властями непризнанных Донецкой и Луганской областей и пр. Может быть, со временем, когда Д. Трамп освоится в Белом доме и наберется внешнеполитического опыта, многое поменяется, хотя...

Показательно для политики России в отношении США незадолго до ноябрьских президентских выборов, что В.В. Путин, отойдя от обычной практики упоминания Китая наряду с Америкой в качестве крупнейших держав мира, назвал в речи на ПМЭФ-20 США единственной сверхдержавой. Визит В.В. Путина в Китай в конце июля 2016 г. опровергает домыслы всех тех, кто пророчит отказ России от поворота её политики и экономики в сторону Азии [61]. Конечно, на пути сотрудничества с КНР и другими странами, в том числе с Южной Кореей, немало трудностей, откровенных препятствий и непонимания, но все это не означает отказа от текущего разворота России в сторону Азии, Китая, Азиатско-Тихоокеанского региона. Подтверждением тому могут служить, в частности, позитивные результаты майского 2016 г. Саммита Россия–АСЕАН и Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии в апреле 2016 г.

На этом Совещании, кстати, представитель Республики Корея, говоря о национальной и региональной безопасности, рассказывал о серьезной опасности для всего человечества, исходящей от КНДР [62]. 26 стран, участвовавших в этом мероприятии, с озабоченностью восприняли угрозы, которые несет северокорейская ядерная программа. На мой взгляд, это затмило в известной мере рассуждения о многополярной структуре современного мироустройства и об окончании эпохи однополярности.

Интерес к позиции Республики Корея, которая непосредственно соседствует с источником ядерной опасности, не обремененным никакими международно-правовыми ограничениями и, наоборот, пренебрегающим наложенными на него мироюридическими запретами, не случаен. Примечателен в этом отношении вывод, к которому пришел Генри

Киссинджер: «Имея в соседях Японию, Россию и Китай, Республика Корея создала демократическое государство и экономику, конкурентную в глобальных масштабах, в том числе обеспечила себе лидерские позиции в стратегических отраслях – телекоммуникациях и судостроении. Многие азиатские страны – включая Китай – воспринимают КНДР как дестабилизирующий фактор, но коллапс Северной Кореи вызывает еще большие опасения. Южной Корее, со своей стороны, предстоит столкнуться с ростом внутреннего давления в пользу объединения двух стран» [63, с. 270].

По-видимому, участники рабочей группы Совета по внешней и оборонной политике России правы, предлагая качественную активизацию российской политики безопасности в Азии посредством укрепления отношений не только с союзниками по ОДКБ, Китаем, но и с Южной Кореей, Японией, странами АСЕАН, а также, как само собой разумеющееся, с Индией, Пакистаном и Ираном. Обращает на себя внимание их утверждение, что конфликтность в Азии, и особенно, на мой взгляд, в северо-восточной её части, нарастает. Об этом шла речь на южнокорейско-российском форуме в Петербурге 14 июня 2016 г., где подчеркивалась ответственность России и Южной Кореи за создание институтов и условий бесконфликтности в этом регионе.

Вопросы региональной и национальной безопасности Республики Корея находились в центре дискуссий, развернувшихся в Санкт-Петербургском государственном университете. Проюжнокорейский и антисеверокорейский тон задал министр иностранных дел Республики Корея Юн Бён Се. Но он был объективен, подчеркнув крупную роль России в Азии, в том числе в северо-восточной её части. Особо он отметил ключевое значение российского рынка для корейских товаров. К сожалению, мининдел Республики Корея не упомянул о сокращении в 2015 г., по данным таможенной статистики ФТС России, взаимного товарооборота в 2015 г. на 33,8% в сравнении с 2014 г., а по сведению Корейской таможенной службы, это уменьшение составило даже 38,0%. Да и следовало бы сказать, что сумма южнокорейских инвестиций в экономику России не достигает 2,5 млрд. долл., что явно не соответствует инвестиционному потенциалу представляемой им страны (невелик и объем российских накопленных инвестиций в экономику Южной Кореи: всего

лишь 187,9 млн. долл.). Зато Юн Бён Се отметил возросшее значение гражданских обществ обеих стран во внешне – и внутривнутриполитической жизни. В частности, он подчеркнул превращение Санкт-Петербургского государственного университета в очень качественную площадку обмена мнением ученых, политиков, военных деятелей обеих стран и выработки ими определенных решений, учитываемых властями. (*Напомню, что визит президента Республики Корея Ли Мён Бака в СПбГУ в сентябре 2008 г. послужил очень серьезным доводом для организации Форума «Диалог Россия – Республика Корея»*) [64, с. 59]. Министр специально сказал, что в СПбГУ с 1897 г. начались преподавание корейского языка и научные исследования в области корееведения. При этом, вероятно, нужно было бы сказать, что на базе гимназии №177 в Санкт-Петербурге ведется изучение школьниками корейского языка как иностранного^{*}.

Большое место в выступлении министра иностранных дел Республики Корея заняли суждения о необходимости предотвратить реализацию северокорейской ядерной программы, и тем самым обеспечить безопасность Южной Кореи и всего восточно-азиатского региона. Важным моментом в его речи стало утверждение, что Республика Корея – выход естественно-исторический России в Азию, точнее – в Азиатско-Тихоокеанский регион и что его страна может объединить и сплотить Евразию. С восторгом сообщая о своей беседе с министром иностранных дел России С.В. Лавровым, состоявшейся накануне приезда в Санкт-Петербург, Юн Бён Се сообщил о её плодотворной результативности, в том числе о подтверждении Москвой необходимости денуклеаризации КНДР, о важности следовать резолюции СБ ООН № 2270, а также о том, что, по словам С.В. Лаврова, Республика Корея – партнер России в восточноазиатской политике и в то же самое время, обладая высоким

^{*} Экономические успехи Республики Корея, её превращение в одного из «азиатских тигров» и стремление страны стать совместно с Россией и Китаем локомотивом развития в мировом сообществе – все это привело к распространению корейского языка в зарубежье, к повышению интереса за пределами Республики Корея к корейскому языку и корейской культуре. В разных странах мира – Китае, Японии, Вьетнаме, США, Великобритании, Германии, Франции, Аргентине, Нигерии, Польше, Казахстане, Австралии, России и др. – открыты корейские культурные центры, где проходят, в частности, обучение желающих знать корейский язык. Кроме того, в около 800 университетах мира открыты кафедры и отделения по изучению Кореи. По-видимому, настало время разработать тему: «Распространение корейского языка как фактор мягкой силы во внешней политике Республики Корея в XXI в.»

экономическим и инвестиционно-финансовым потенциалом, может стать активным участником опережающего развития Дальнего Востока и Восточной Сибири. Юн Бён Се, однако, посетовал, что мировое сообщество повернулось спиной к ядерной программе Северной Кореи. Такой мотив звучал и в речах других южнокорейских участников форума.

Они с разочарованием отзывались о российских призывах к диалогу с Пхеньяном, заявляя, что это не дает никакого эффекта. Прозвучало даже крыловское «Васька слушает, да ест». Резкую критику с их стороны вызвало положение доклада проф. В.А. Колотова о создании благоприятных условий для межкорейского диалога. Он, однако, был совершенно точен, когда обосновал свою точку зрения о том, что корейская ситуация и складывающаяся нестабильность в регионе Желтого, Восточно- и Южно-Китайского морей является восточно-азиатским сегментом более пространной дуги нестабильности, пролегающей вплоть до Ближнего Востока.

Профессор Корейской национальной дипломатической академии Ко Де Нама, профессор университета иностранных языков Хангук, председатель Корейской ассоциации славяноведения и евразийских исследований Хонг Ван Сок и иные участники форума Россия – Южная Корея настаивали на возобновлении в международной практике по проблемам Корейского полуострова в международной практике по проблемам Корейского полуострова шестисторонних переговоров (4+2): они не проводили и уже несколько лет. В качестве аналога удачливости переговорного процесса ссылались на июльское соглашение – 2015 года по иранской ядерной программе, безоглядно хвалили при этом Россию. Мне пришлось даже внести некоторые коррективы при выяснении политики России в отношении иранской ядерной программы, касавшейся вынужденности Москвы учитывать собственные интересы, интересы Ирана, своих соседей, ведущих держав и мирового сообщества в целом. При том Россия не могла игнорировать свою национальную безопасность и безопасность своих союзников по ШОС, ОДКБ и ЕАЭС. Разумеется, на позиции России в отношении КНДР не может не сказываться история и современность их связей. Вот почему начиная с 2014 г. Москва приступила к восстановлению своего сотрудничества с КНДР, и если на Западе, в южнокорейских политических кругах её за это нередко осуждают, то в

России справедливо полагают, что через конкретные шаги в области политики и экономики можно добиться большего межгосударственного взаимопонимания, которое позитивно скажется и на общей стабильности, достижении межкорейского взаимодействия и региональной безопасности.

Однако, среди южнокорейских участников раздавались голоса против того, чтобы как они полагали, Республика была разменной монетой во взаимоотношениях КНР, США и России. Особо подчеркивалось, что объединение – это дело двух Корей. Весьма актуально на этот счет мнение профессора университета Ханянг – члена-секретаря рабочей группы «Политика и международные отношения» Форума «Диалог Россия-Республика Корея» Ом Гу Хо. «Некоторые российские специалисты, – пишет он, – высказывают опасения в связи с перспективой объединения, будь то беспокойства относительно негативного влияния объединения Кореи на безопасность России, например, касательно дальнейшей судьбы американских войск на полуострове, или аргументы относительно геополитического значения Северной Кореи для России как буферной зоны с США. Однако, несмотря на это, для России и Республики Корея настало время выработать такой проект объединения Корейского полуострова, который бы не только дал новый толчок процессу освоения Дальнего Востока и экономическому развитию России в целом, но и внес вклад в укрепление региональной безопасности в СВА [*Северо-Восточной Азии – В.Я.*]» [64, с. 126, 209].

Вообще надо признать, что проблема объединения двух Корей не сходит со страниц научной и публицистической литературы, печатных и электронных СМИ, в самой Южной Корее и России. Высказываются различные точки зрения, излагаемые чуть ли не всеми авторами упоминаемого издания «Перспективы...» и выступавшими на форуме. Безусловно, и в той, и в другой части Корейского полуострова не без обоюдных опасений говорят об интеграции в одно государство. Тем более что удачный пример двух Германий – ФРГ и ГДР не может служить для них образцом, хотя бы потому что ни у одного объединившегося германского государства не было ядерного оружия и соответствующего фактора угрозы мировому сообществу. Особая роль в таком объединении двух Корей Сеулом отводится России, прежде всего из-за понимания, что Москва, пожалуй, единственное решающее звено в упразднении

северокорейской ядерной и ракетной программ. Более того, по мнению Ом Гу Хо, «из четырех крупных держав, окружающих Корейский полуостров, Россия наиболее благосклонно относится к идее объединения». И далее он продолжает эту свою мысль: «Россия никогда не вела войн с Кореей и никогда не оккупировала её территории, кроме того, в связи с большим потенциалом сотрудничества по трехсторонним [*Россия – Северная Корея – Южная Корея – В.Я.*] проектам, включая железнодорожный, газовый и электроэнергетический, в случае воссоединения Корейского полуострова Россия могла бы проявить также широкомасштабные инициативы без риска, исходящего ныне от КНДР, и получить значительные экономические выгоды, связанные с освоением Дальнего Востока и логистическим обеспечением импорта» [64, с. 125]. Однако было бы неверным отрицать то, что Сеул отвергает позитивность участия Северной Кореи в благожелательном направлении в контактах с Республикой Корея, хотя моментами возрастает неприязнь их друг к другу. Развитие трехстороннего сотрудничества, как считает старший научный сотрудник Исследовательского центра Азиатско-Тихоокеанского региона при университете Ханянг Ким Джон Ги, закладывает фундамент в будущее объединение двух Корей [64, с. 196].

Ссылки на совместное участие в развитии Дальнего Востока стали общим местом в рассуждениях политиков и ученых Республики Корея. Так, все тот же Ом Гу Хо писал, что «достижения в реализации сотрудничества России и Республики Корея, а также трехстороннего сотрудничества с участием КНДР в области освоения российского Дальнего Востока можно было бы использовать в качестве инструмента отстаивания более значительных уступок со стороны России по северокорейской ядерной проблеме и проблеме объединения Корейского полуострова» [64, с. 120–121]. Россия, как отмечали участники форума, готова создать совместные фонды и инвестиционные институты с Республикой Корея для привлечения иностранного, в том числе южнокорейского, капитала в реальный сектор экономики Дальнего Востока. Уже в настоящее время Китай открыл регулярный грузовой рейс маршрут со своих северо-восточных территорий в Южную Корею с транзитом через Владивосток, откуда они доставляются в Пусан, считавшийся морской столицей Республики Корея [65]. Особо

подчеркивалось, что Дальний Восток может стать (и уже признаки подобного имеются) регионом совместного развития России, Республики Корея, Китая и, возможно, КНДР. Уместно здесь сказать об интересной статье заместителя директора Института международных исследований МГИМО(У) МИД РФ А.Л. Чечевишникова, посвященной анализу восточного вектора политики России на Дальнем Востоке в контексте её ориентации в Азиатско-Тихоокеанском регионе [66]. По его мнению, наиболее оптимальным источником иностранной трудовой иммиграции на российский Дальний Восток была бы Южная Корея. Республика Корея рассматривается им также в составе группы стран, включая Китай, Японию, США, которые будут участвовать в хозяйственном освоении Дальнего Востока. В целях недопущения доминанции одной из них А.А. Чечевишников предлагает выстроить своего рода «концерт интересов» инвесторов и торговых партнеров из этих четырех государств. И, тем не менее, судя по тексту, он допускает преобладание Китая.

Говоря о Китае, участники форума, не раз упоминали Шелковый путь, китайские инициативы «Один пояс – один путь» и даже Арктику, добавляя при этом, что Республика Корея, Китай и Сингапур являются постоянными наблюдателями в Арктическом Совете. В этом проявляется большая заинтересованность Сеула, Пекина и Сингапура в участии в освоении арктических пространств и в судоходстве по Северному морскому пути. Конечно, никуда не деться и от политической оценки интереса этих трех азиатско-тихоокеанских стран, а также Японии и Индии к Арктике: достаточно сослаться в доказательство подобной характеристики на политическое взаимодействие Китай–Исландия и Россия–Норвегия. Контактное Южной Кореи с арктическими государствами по масштабу и интенсивности уступает взаимообщению названных государств.

Когда затрагивалась на форуме в ходе развернувшейся дискуссии арктическая тематика, мне вспомнились слова профессора Го из Циндао о том, что безопасность КНР обусловлена и Арктикой и что экономически многие страны всерьез обращают свое внимание на Арктику и не только потому что этот регион обладает огромным природно-ресурсным потенциалом, но и в связи с тем, что Арктика предоставляет эффективные геополитические и стратегические возможности. При этом важно иметь

ввиду весь высокий геополитический и военно-стратегический потенциал Сибири и Дальнего Востока – единой территории, в которой пересекаются геостратегические узлы связи регионов: АТР, Арктики, Центральной Азии, Евразии [67]. Не забыть прозвучавшее на форуме очень ехидное замечание: если бы у Сингапура был такой сосед, как КНДР, то Сингапур никогда не стал бы логистическим центром АТР и прилегающих к нему районах.

Профессор университета иностранных языков Хангук, председатель Корейской ассоциации славяноведения и евразийских исследований Ханг Ван Сок убеждал всех, что для России не желателен тандем Китай–США в решении высокозначимых вопросов на Корейском полуострове, что Россия в случае американо-китайских договоренностей перестанет играть ключевую роль в достижении межкорейских договоренностей и что Республика Корея не должна становиться ни на чью сторону, ни России, ни США, ни Китая, а должна сама выработать свой подход, свою позицию при судьбоносных решениях по Корейскому полуострову.

Сильное впечатление произвело выступление бывшего Генерального консула Республики Корея в Санкт-Петербурге Ли Ен Су, ныне работающего в одной из крупных южнокорейских компаний. В ответ на раздавшиеся со стороны российских участников призывов о необходимости диалога РК-КНДР при или без участия ведущих держав мира он скептически, притом очень взволнованно, сказал: «Мы участвовали в диалоге с КНДР, даже предприняли экономические инициативы (работа совместного государственного парка в г. Кэсон, реализация проекта совместного использования реконструированного усилиями ОАО «РЖД» участка железной дороги Хасан–северокорейский порт Раджин, откуда российские грузы поставлялись бы в республику Корея и третьи страны и др.). Ситуация напоминает из русской басни «А Васька слушает, да ест». КНДР продолжает наращивать свой ядерный потенциал. Мы изолировали Северную Корею, и что? В Пхеньяне совершенствуется ракетная техника, угрожающая не только нам, но и Японии, и США. Действительно ли КНДР в кольце осуждений за производство ядерного оружия и угрозы его применения? Южнокорейская сторона сомневается в этом, а потому и отвергает диалог». Профессор В.Н. Колотов, заведующий кафедрой истории Дальнего Востока в СПбГУ, привел конкретные данные о наличии у Пхеньяна двадцати ядерных боеголовок.

Прозвучала также мысль о том, что введенные США и другими государствами, включая Россию, санкции против Северной Кореи оказались неэффективными. Иначе бы в КНДР не выделялись крупные средства на осуществление военных программ. По заявлению Сеула, только на реализацию ядерной программы Пхеньян потратил более 3 млрд. долл. Когда в Сеуле и других столицах мира узнают о ядерных и ракетных испытаниях, об интенсификации политики «сонгун», введенной еще покойным лидером КНДР Ким Чен Иром и продолжаемой новым правителем Северной Кореи Ким Чен Ыном, веры заверениям северокорейских властей в миролюбии никакой.

Звучавшие на форуме в СПбГУ обвинения в адрес КНДР, её ядерной программы и в целом военной доктрины, резкие характеристики ситуации на Корейском полуострове, пространные суждения даже о бесполезности в современных условиях предпринимаемых мер, и по отсутствию решительных действий по ликвидации северокорейских ядерных угроз, – все это напомнило вывод, к которому пришел бывший посол России в Пхеньяне в 1996–2001 г. В. Денисов. «Ядерный кризис – писал он в 2015 г., – на Корейском полуострове становится все более глубоким и трудноразрешимым. Свыше пяти лет бездействует шестисторонний переговорный механизм (РФ, Китай, США, Япония, КНДР, РК) по урегулированию ядерного вопроса. Не выполняются договоренности, зафиксированные в Совместном заявлении «шестерки» от 19 сентября 2005 г. Разладились межкорейские отношения, напряженность между Пхеньяном и Сеулом периодически принимает крайне опасный характер. Все это происходит на общем фоне осложнения обстановки в Северо-Восточной Азии. Обостряются территориальные споры (Китай–Япония, Южная Корея–Япония, Южная Корея–Китай). Новый всплеск раздражения в регионе вызвало решение Китая ввести в Восточно-Китайском море зону идентификации ПВО» [68, с. 118]. Ситуация еще больше осложнилась, когда КНДР в 2016 г. приступила к новым ядерным испытаниям, к новым пропагандистским нападкам на США, Запад и Республику Корея. Последняя в долгу не осталась. К сожалению, на сделанные В. Денисовым предложения по выходу из тупика [68, с. 132] не отреагировали и участники форума в СПбГУ, хотя отдельные пункты его инициатив совпадали с предложениями выступавших: например, принятие срочных

мер по деблокированию шестисторонних переговоров, возобновление межкорейского диалога и пр. То есть в научной и дипломатической среде созрело понимание необходимости незамедлительной, региональной и глобальной безопасности в этом секторе АТР, что можно достигнуть только путем денуклеаризации Северной Кореи и конкретизации миролюбивых шагов Южной Кореи, в том числе отказа от реализации ПРО США на своей территории.

Ли Ен Су, по-видимому, был хорошо знаком с заявлением официального Сеула, в том числе министерства иностранных дел Республики Корея, о том, что южнокорейское правительство не намерено вести какие-либо переговоры с КНДР, пока Пхеньян не продемонстрирует приверженность денуклеаризации. 24 мая 2016 г. пресс-секретарь министерства обороны Южной Кореи Мун Сан Гюн обнаружил подобное правительственное решение. В свою очередь неназванный сотрудник МИДа Южной Кореи объяснил корреспонденту московской газеты «Коммерсантъ» М. Коростикову сложившуюся ситуацию фактического отказа Сеула от поиска путей достижения договоренностей с Пхеньяном по денуклеаризации и объединению обеих Корей, причем в последнем случае даже от попыток найти пути к созданию одного государства на Корейском полуострове, что предусмотрено южнокорейской конституцией. «С 1970-х годов прошло более 700 раундов межкорейских переговоров, подписано 230 документов о сотрудничестве. Все это не принесло никакого результата и оказалось уловкой со стороны Севера. Теперь мы намерены показать им, что до изменения позиции по ядерному оружию никакого диалога не будет» [69].

По тональности этой статьи, по-моему, автор симпатизирует Северной Корее в обострившемся конфликте с южнокорейским государством. В ней отмечают и жесткая позиция президента Пак Кын Хе по отношению к северному соседу, с которым сотрудничество при её руководстве страной переживает далеко не лучшие времена, и беспрецедентно жесткая касательно КНДР резолюция СБ ООН №2270 от 2 марта 2016 г., предусматривающая запрет членам ООН импорт 80% северокорейской продукции, досматривать все идущие из Северной Кореи суда на предмет выявления компонентов для производства ядерного оружия, а также прекращение всех связей с финансовыми институтами

КНДР. В ряду мер, предпринятых Сеулом после январско-февральских 2016 г. ракетно-ядерных испытаний, осуществленных Северной Кореей, находится и фактическое закрытие промышленного комплекса Кэсон, находящегося на территории КНДР, где на 123 южнокорейских предприятиях трудились 54 тысячи северокорейских рабочих. О высоком значении этого крупного хозяйственного объекта свидетельствует хотя бы еще тот факт, что в 2015 г. через территорию этого комплекса прошло 99,6% торговли на сумму 2,7 млрд. долл. между обеими Кореями. Многие в возможности наступления экономического коллапса Северной Кореи зависят от строгого выполнения санкций со стороны России и Китая. В Москве и Пекине не могут пройти мимо того факта, что агрессивная ядерно-ракетная политика Пхеньяна способствует росту военного присутствия США в регионе, да и усилению милитаризма в Японии. Это отнюдь благоприятно не сказывается на национальной и региональной безопасности, да и в глобальном масштабе не придает уверенности в стабильности мирополитической обстановки.

Несмотря на усилившуюся озабоченность мирового сообщества продолжающемся осложнением межкорейских противоречий и очевидную причину такого положения дел, северокорейские власти в июле 2016 г. вновь провели испытания баллистических ракет средней дальности, Министр иностранных дел России С.В. Лавров еще в апреле 2016 года, а в феврале 2017 г. повторили еще раз такие испытания, когда Пхеньян в очередной раз произвел пуск баллистической ракеты дальнего радиуса действия, выразил сожаление по этому поводу, сказав, что в перспективе регион превращается в очередной «конфронтационный плацдарм». В связи с апрельским (2016 г.) обострением межкорейских отношений посол России в КНДР А. Тимонин ничтоже сумняшеся заявил: «Наряду с этим приходится констатировать, что глубинные причины нынешнего кризиса следует искать в действиях участников противостояния по обе стороны 38-й параллели. Начавшиеся в марте этого года американо-южнокорейские военные учения, несмотря на формально плановый характер, стали беспрецедентными по своим масштабам, количеству и видам задействованных вооружений, а также по типу отрабатываемых операций. В этой связи объяснимо беспокойство КНДР, прямо называемой объектом подобной военной активности» [69].

Следовало бы дипломату сказать, что первопричина нынешнего обострения межкорейских отношений и роста озабоченности всего мирового сообщества, да и решения Сеула и Вашингтона о размещении в Южной Корее ПРО, лежит как раз в январско-февральских и последующих ядерных и ракетных шагах Пхеньяна, а «беспокойство КНДР», о чем говорит посол, вторично. Ну, и в стиле дипломатического реверанса «и нашим, и вашим» нужно рассматривать следующий сюжет в его интервью: «Сейчас крайне важно не замыкаться на санкциях и попытках полностью изолировать КНДР, а сформулировать позитивную повестку дня, дать понять Пхеньяну, что дверь для возвращения за стол переговоров по-прежнему остается открытой. Россия со своей стороны готова активно содействовать решению этой задачи».

Конечно, стоит согласиться с его сожалением о том, что «конечно, у нас вызывает сожаление приостановка из-за санкций реализации транспортно-логистического проекта в северокорейском порту Раджин с участием России, КНДР и РК, который мог сыграть важную роль в налаживании межкорейского сотрудничества и нормализации обстановки на Корейском полуострове» [70].

«Москва возлагала на проект большие надежды, мы ожидали до \$200 млн. инвестиций. Но после введения санкций Сеул из проекта вышел, хотя в резолюции N2270 для него специально было сделано исключение». «Мы не вышли из проекта, а всего лишь заморозили наше участие до тех пор, пока КНДР не изменит свое поведение», – пояснили в МИД Южной Кореи» [69].

Определенным диссонансом этому действующему дипломату звучит высказывание экс-заместителя министра иностранных дел России, ныне ведущему научному сотруднику Института мировой экономики и международных отношений РАН Г. Кунадзе: «Сегодня Китай – единственная страна, способная оказать на безумный пхеньянский режим хоть какое-то сдерживающее воздействие. С другой стороны, у Пекина много интересов в Южной Корее, и ему невыгодно резкое, неконтролируемое обострение отношений с Сеулом. А значит, у Китая есть дополнительный повод задуматься о том, как сдержать программу ракетно-ядерных испытаний КНДР, запрещенных конкретной резолюцией Совбеза ООН.

Что же касается комплекса ТНААД, то в нынешней ситуации развертывание на юге полуострова системы перехвата северокорейских ракет представляется вполне естественным» [71].

Уже в конце июня 2016 г. Сеул объявил, что КНДР оснащает свои военные корабли американскими пулеметными установками [72]. Вероятно, это – устаревшие пулеметы, доставшиеся Пхеньяну со времен Корейской войны 1950–1953 гг. Северная Корея, помимо ракетно-ядерного оружия, располагает 21 тыс. артиллерийских стволов, почти тысячью самолетов, 4,2 тыс. танков [70] и 70 подводными лодками и десятками надводных кораблей. И хотя эта техника старовата, тем не менее она составляет все-таки мощный боевой потенциал Северной Кореи. Военнослужащих в вооруженных силах КНДР – 700 тыс. чел и это при населении в 25 млн. чел., а в Южной Корее соответственно 625 тыс. и 50, 4 млн. чел., а в резерве – 4,5 млн. чел у Пхеньяна и 2,9 млн. чел. у Сеула. Южная Корея уступает Северному соседу по численности танков – 2381 и субмарин – 15. Зато объем ВВП – 1 трлн. 377 млрд. долл. у Республики Корея и 15,4 млрд. долл. у КНДР; ВВП на душу населения у Юга (27,2 тыс. долл.) ни в какое сравнение не идет с севером, где всего на всего приходится 0,7 тыс. долл. на чел [70]. Словом, Южная Корея – одна из богатейших стран мира, совокупный ВВП которой вместе с Китаем и Японией составляет 20% от мирового [73, с. 97], и Северная Корея – одна из бедных стран мира.

При наличии таких параметров М. Коростиков утверждает, что притом совершенно объективно, Пхеньян даже при наличии ядерного и ракетного оружия одержать победу над Южной Кореей не сможет, хотя нанести огромный ущерб сможет. Важно учитывать присутствие американского военного корпуса, да и ракетно-ядерную мощь США. Остается только один путь – достижение подлинно мирного сосуществования двух Корей с объединительным вектором развития. Этот процесс займет немало времени и потребует около 1 трлн. долл., а может и больше. В политической и интеллектуальной средах Южной Кореи, уже не говоря о Северной, немало противников воссоединения обеих стран на Корейском полуострове в одно государство. И это следует иметь в виду, когда речь заводится о межкорейской интеграции.

В этом процессе, несомненно, велика роль парламентской дипломатии. Она активизировалась в последнее время. Увеличились

поездки депутатских и сенатских комиссий в разные страны. Возросло значение парламентских организаций (Межпарламентская Ассамблея СНГ, Парламентская ассоциация АТР, Парламентское Собрание Союза Беларуси и России, Парламентская Ассамблея ОДКБ, Парламентская ассамблея Черноморского экономического сотрудничества, Парламент МЕРКОСУР, Межпарламентская ассамблея Совета Европы, Парламентская ассамблея Содружества наций, Парламентская ассамблея ОБСЕ, Европарламент и др.). Парламентские переговоры ведутся по самым актуальным проблемам глобального и межстранового развития. Широко практикуется предоставление слова руководителям депутатских и сенатских делегаций на заседаниях парламентов, их приглашающих. Чрезвычайно важно, что это распространяется и на глав региональных парламентов: яркий пример тому – выступления Председателя Законодательного Собрания Санкт-Петербурга В.С. Макарова в сенате Калифорнии и в парламенте Бахрейна. Власть все больше внимания уделяет межрегиональному сотрудничеству. Примечательны в этой связи слова Председателя Совета Федерации РФ В.И. Матвиенко, сказанные на встрече в Москве с делегацией Эквадора во главе с Председателем Национальной ассамблеи Габриэлой Ринаденейрой в июне 2016 г.: «Мы в Совете Федерации будем считать свою миссию полностью исполненной, если все 24 провинции Эквадора подпишут соглашения с субъектами Российской Федерации» [74].

Межрегиональное сотрудничество России и Республики Корея обсуждалось и во время визита С.Е. Нарышкина в Сеул, в бытность его Председателем Государственной Думы РФ, в мае 2015 г. Разумеется, в центре внимания в ходе бесед с южнокорейскими парламентариями находились и животрепещущие вопросы национальной и региональной безопасности. Конечно, стороны не обошли своим вниманием и вопросы межкорейского вектора внешней политики обоих государств на Корейском полуострове. Тем более что Республика Корея, несмотря на всю противоречивость отношений у себя в верхах к процессу воссоединения, рассматривает объединение как решающий трамплин для очередного экономического скачка: иначе ВВП Южной Кореи, по прогнозам Голдмэн Сакс, в 2050 г. составит всего лишь 1% мирового ВВП [75, с. 51]. Известно, что еще 25 февраля 2014 г. президент Пак Кын Хе создала специальный Комитет по подготовке объединения. Все эти

объединительные обстоятельства не могли не учитываться в ходе парламентских переговоров С.Е. Нарышкина, когда он возглавлял Государственную Думу РФ. Одним из весьма существенных результатов его визита явилось углубление и активизация межпарламентских связей между Россией и Республикой Корея на разных уровнях.

Вообще для понимания парламентской дипломатии, осуществляемой Россией, важно ознакомиться с задачами, которые ставит перед собой Комитет по международным делам Совета Федерации РФ в 2016 г. «Главное, – сказал Председатель этого органа высшей законодательной власти России сенатор К.И. Косачев, – это законодательное обеспечение евразийской интеграции и работы по созданию более тесных экономических партнерств со странами ШОС и АСЕАН. Второе направление – совершенствование законодательства и межпарламентское взаимодействие по борьбе с международным терроризмом. Третье – разъяснительная работа с зарубежными парламентариями по всему кругу вопросов, которые провоцируют критику в адрес России. Критику, связанную, прежде всего с недостатком информации и поверхностным пониманием наших истинных мотиваций тем или иным действиям» [76].

Россия в XXI в. практикует форумы её регионов с соответствующими субъектами других стран. До недавнего времени прошли такие встречи с польскими воеводствами Польши, организовавшиеся Советом Федерации РФ и сенатом Польской республики. В настоящее время проведены форумы российских регионов и областей Белоруссии, а также с провинциями Казахстана. На них, как правило, принимаются деловые соглашения, обсуждаются конкретные дела. Так, на третьем форуме регионов России и Белоруссии, состоявшемся в июне 2016 г., было подписано 39 соглашений между регионами этих стран и 150 коммерческих контрактов, экономический эквивалент которых составил 300 млн. долл. [77, с. 56]. В рамках этого форума состоялась двусторонняя встреча В.И. Матвиенко и М. Мясниковича. Знаковый характер имели слова В.И. Матвиенко о том, что «ни Россия, ни Беларусь не стремятся к изоляции, но готовы только к равноправному и взаимовыгодному сотрудничеству с теми государствами, которые уважают наши интересы» [78, с. 60]. Опираясь на имеющийся опыт межрегионального сотрудничества Российской Федерации с

Зарубежьем, специалисты разработали программу проведения совместных межрегиональных форумов или презентаций российских регионов в Сеуле. Всего за три минувших года было организовано не менее 25 таких презентаций. Вообще, надо особо подчеркнуть, что межрегиональное сотрудничество, в том числе в области парламентских связей, не только способствует углублению межгосударственных отношений, но и служит своеобразным каркасом, на котором выстраивается пирамида стабильных связей, договоренностей и контактов бизнес-сообществ, а в конечном итоге и межстрановых дипломатических и прочих отношений, участвующих в формировании имиджа государств на мировой арене, их политический и экономический вес в мировом хозяйстве.

Межпарламентские контакты прочно участвуют в этом процессе. Подтверждение тому – парламентская дипломатия в сфере российско-южнокорейских отношений [79, с. 233–247]. В середине второго десятилетия XXI века эти отношения, их дипломатический вектор получили еще большую масштабность и содержательность, чем это было в предыдущие годы.

В ответ на визит С.Е. Нарышкина в сентябре-октябре 2015 г. Россию посетил спикер Национального собрания Республики Корея Чон Ый Хва, участвовавший в торжественных мероприятиях по случаю 25-ой годовщины установления дипломатических отношений между нашими странами. Это крупное событие в мировой политике, произошедшее 30 сентября 1990 г., свидетельствовало о кардинальных изменениях во внешнеполитической доктрине тогда еще Советского Союза, правопреемницей которого стала с декабря 1991 г. Российская Федерация, так и Республики Корея, которая, будучи непризнанной со стороны Москвы, испытывала серьезные мирополитические неудобства, возрастающую внешнеполитическую односторонность ориентации на Запад, и прежде всего США, и осложнения от геополитической замкнутости типа сэндвича. Я помню, как приветствовали этот факт депутаты Национального собрания Республики Корея, посетившие в 1991 г. Ленинградской городской совет, и как активен был в городе на Неве и во встречах с его руководством южнокорейский президент Ро Дэ У, прибывший в Россию в 1992 г.

Эти визиты способствовали тогда устранению взаимной неприязни, возникшей в результате многодесятилетней антиюжнокорейской пропаганды в СССР и антисоветской – на юге Корейского полуострова. Было заметно, как стремились донести свои истинные намерения петербургские и южнокорейские участники бесед в Мариинском дворце, в Смольном и в правительственной резиденции на Крестовском острове, где проходили официальные обеды.

Написав «официальные обеды», я мгновенно задумался, вспомнив, что власть и дипломатия порой критикуются, что, как писал дипломат И.В. Михеев в одном из своих стихотворений, «слишком дорог // Народу дипломатов труд», и тот час следовала его ремарка «Зато они не только порох // Людские жизни сэберегут» [80, с. 290].

Могу засвидетельствовать, опираясь на личный более чем 25-летний опыт работы по переговорам с иностранными делегациями, эффект протокольных приемов значителен, в том числе и по осмыслению российско-иноземного сотрудничества и роли Петербурга в Зарубежье.

Убежденность в этом зиждется и на результативности визитов в Москву в июле 2015 г. председателя Комитета по объединению и международным делам Национального собрания Республики Корея Гён Вона и председателя Корейско-Российского межпарламентского совета Ким Хан Гиля. Состоявшиеся беседы в Федеральном Собрании РФ, касавшиеся предстоящего 25-летия установления дипломатических отношений между РФ и РК, расширения парламентского взаимодействия и предстоящего визита главы парламента Чон Ыйя Хва, содействовали выяснению узловых проблем в межгосударственных отношениях и выработке совместных парламентских шагов по устранению имеющихся проблем, поиску эффективности в намечающихся взаимных визитах и повышению роли парламентов в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Предложение Чон Ыйя Хва о проведении в первой половине 2016 г. совещания спикеров парламентов Евразии, сделанные им, попало по существу на подготовленную почву. Оно было поддержано руководством Совета Федерации и Государственной Думой РФ. В Москве, как отметил министр иностранных дел России С.В. Лавров, успешно прошла эта первая встреча спикеров парламентов стран Большой Евразии.

Признавая большую роль парламентов в созидании национальной и региональной безопасности и в связи с развитием парламентских саммитов [81], предлагаю создать трехстороннюю парламентскую группу «Федеральное Собрание РФ-Национальное собрание РК-Верховное народное собрание КНДР»*. Эта группа смогла бы разработать такие инициативы, которые внесли бы свою серьезную лепту в стабилизацию ситуации на Корейском полуострове, в развитие российско-северокорейско-южнокорейских отношений и приблизила бы объединительный процесс к началу завершения. Она смогла бы реализовать идеи Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна, содержащиеся в следующей фразе, высказанной в ходе беседы с В.И. Матвиенко»: «Я считаю, что в демократических обществах парламенты играют очень важную роль. Ведь это не только поддержка деятельности президентов, премьер-министров и законотворческая деятельность, но и донесение до руководства страны голоса народа, который его избрал» [2].

Очень трагично, когда власти той или иной страны не допускают спикеров парламентов иного государства для встреч со своими парламентариями или для участия работе международных парламентских организаций, чья сессия проходит на её территории. Так произошло, например, в сентябре 2015 г., когда США отказали Председателю Совета Федерации РФ В.И. Матвиенко в участии в Ассамблее межпарламентского союза. Она была совершенно права, когда, встречаясь в июне 2016 г. с Генеральным секретарем ООН Пан Ги Мунуном в Москве, сказала: «Я вообще считаю, что санкции против парламентариев – это какое-то средневековье, это абсолютно неприемлемо, потому что это мешает межпарламентскому диалогу» [2].

Приглашенный на заседание МПА СНГ председатель МПС С. Чоудхури в мае 2016 г. сожалел о том, что не удалось пообщаться с

* В мировом сообществе межпарламентские встречи, саммиты, круглые столы часто практикуются. Ярким примером тому может служить в частности, встреча в Брюсселе с 28 февраля по 1 марта 2007 г. членов Европарламента, участников Парламентской Конференции Балтийского моря, Парламентской Конференции стран Евро/Баренц Арктического региона, Конференции парламентов Арктического региона, парламентов государств Северного совета. На ней были приняты важнейшие решения, касающиеся «Северного измерения», в том числе его арктического направления.

В.И. Матвиенко в 2015 г. Интересны следующие выдержки из выступлений В.И. Матвиенко и С. Чоудхури на встрече 18 мая 2016 г. в Петербурге. В.И. Матвиенко сказала: «В Совете Федерации настроены на тесное взаимодействие с Межпарламентским союзом. Считаем эту организацию авторитетной площадкой для межпарламентского диалога. Поддерживаем курс МПС на активное участие национальных парламентов в решении глобальных проблем мирового развития, включая содействие в урегулировании кризисных явлений». МПС является примером работы структуры, которая выступает за справедливое мироустройство, строгое соблюдение международного права, решение кризисных явлений мирным путем.

Россия достойно представит обоснованность наших намерений провести столь важное международное мероприятие – Ассамблею МПС – в Санкт-Петербурге. Важно, что мы сможем предоставить для всех участников МПС новую инфраструктуру» [82].

С. Чоудхури в ответ произнес: «Уверен, что Межпарламентский союз становится более цельной организацией при активном участии в его работе России и стран СНГ. Нам крайне важно провести Ассамблею в 2017 году в Петербурге, чтобы тем самым дать сигнал о том, что никакие санкции не могут повлиять на работу парламентариев. Это подтвердило бы демократическую направленность работы МПС. Планируемая Ассамблея ознаменует новую эру парламентской дипломатии» [82].

На этой 137-ой ассамблее МПС произойдет, вероятно, встреча руководителей парламентов России и Южной Кореи, о чем С. Чоудхури говорил автору этой статьи во время официального обеда в Мариинском дворце – резиденции Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. Во время беседы с В.С. Макаровым он недвусмысленно подчеркнул, что «Санкт-Петербург – настоящая колыбель современной политики, а его региональный парламент весьма влиятельный орган законодательной власти в этом субъекте Российской Федерации [83]. Оба собеседника выразили надежду, что 137-я ассамблея МПС пройдет в Санкт-Петербурге осенью 2017 г. Это, как они оба заверили, будет способствовать развитию парламентской дипломатии среди 170 членов МПС, в том числе России и Южной Кореи, которые, входят в одну из 6 действующих в рамках МПС

геополитических групп: парламент России – в Евразийскую, а Республика Корея – в Азиатско-Тихоокеанскую.

Федеральное Собрание РФ и Национальное собрание РК узаконивали сложившуюся за минувшие более 25 лет разветвленную договорно-правовую базу взаимодействия этих двух стран. За это далеко непростое время между Москвой и Сеулом было заключено свыше 50 соглашений.

И это – не считая сотен (если не более) соглашений между регионами о сотрудничестве, в том числе между Санкт-Петербургом и южнокорейскими городами Пусаном и Тэгу, провинцией Чхунчхонбук – то, а также между Кронштадтским районом Санкт-Петербурга и Инчхоном, небольшим городом, прилегающим к Сеулу. Большое значение для развития петербургско-южнокорейских связей имел визит В.И. Матвиенко, тогда губернатора города на Неве, в декабре 2007 г. В возглавляемую ею делегацию входили и депутаты петербургского ЗАКСа.

Все соглашения Санкт-Петербурга и южнокорейских субъектов получили одобрение в ЗАКСе, о чем свидетельствуют специальные парламентские постановления. Оживленные беседы на политические темы с парламентариями Республики Корея, побывавшими в Мариинском дворце, внесли свой позитивный вклад в межпарламентское сотрудничество. Показательно в этом отношении пребывание в Петербурге в 2011 г. южнокорейской делегации во главе с членом Национального собрания РК одним из руководителей партии «Новое тысячелетие» Ри Ин Дже. Еще большую успешность межпарламентским связям придал визит в июле 2015 г. делегации Национального собрания РК во главе с председателем группы по связям с Федеральным Собранием РФ Ким Хан Гилем. В Мариинском дворце он с гордостью заявил: «Мы не участвуем в санкциях против России, как весь по существу западный мир». И тотчас сделал деловое предложение об оказании ЗАКСом Петербурга помощи в получении согласия властей города и России на строительство еще одного автомобильного завода на городских землях. Ему принадлежат и такие слова: «Мы убеждены, что западные санкции в России не эффективны, трудности от них не ощущаются». Он также особо подчеркнул необходимость участия Южной Кореи в развитии Дальнего Востока. Ким Хан Гил отмечал важность партнерства России и РК, включая значимую

роль Москвы в объединительном процессе на Корейском полуострове. Высоко оценивая позицию России в АТР и в целом в мировом сообществе, Ким Хан Гил в то же самое время посетовал на фактическую девальвацию рубля, что снижает инвестиционные и внешнеторговые возможности как самой России, так и ей партнеров, включая Южную Корею [84].

Вслед за этим визитером, дружелюбно расположенном к России, Санкт-Петербург посетил 2 декабря 2015 г. Председатель Совета метрополии города Тэгу Ли Донг Хи. Он заострил внимание собеседника, заместителя Председателя Законодательного Собрания Санкт-Петербурга П.М. Солтона, проводившего беседу с делегацией из города Тэгу, на том, что партнерство Петербурга и его города основано на том, что Тэгу – это малая родина президента РК Пак Кын Хе, а Санкт-Петербург – президента России В.В. Путина. Их встречи, как Ли Донг Хи заявил, привела к росту доверия между обеими странами, продвижение интересов бизнес-сообществ, пониманию позиций РК и РФ по воссоединению двух корейских государств, а также к упрочению региональной и национальной безопасности в Северо-Восточной Азии.

Наряду с Петербургом в парламентские отношения с Южной Кореей вступили и законодательные органы власти российских субъектов Дальнего Востока. Во главу угла они ставят вопросы освоения ресурсов этого региона России. Несомненно, достигнутые договоренности служат укреплению межгосударственных связей России и Республики Корея, а также стабилизации национальной и региональной безопасности.

Своеобразным шагом Национального Собрания Республики Корея в российско-южнокорейских, в том числе с Санкт-Петербургом, связей явился декабрьский 2016 г. визит парламентариев из Сеула во главе с генеральным секретарем парламента У Ю Кыном, который является выпускником магистратуры СПбГУ и который принял решение стать профессором этого вуза по окончании политической карьеры. Он прочитал в СПбГУ лекцию, в которой особо отметил необходимость преодоления раскола и объединению Корейского полуострова, но был озабочен пятью ядерными испытаниями, проведенными КНДР. Он высоко оценил деятельность России в шестисторонних переговорах по ядерной проблеме Северной Кореи (и поддержку его санкций против КНДР). Но, по личному мнению генерального секретаря, его стране «более чем, к примеру, Китаю

или Японии, понятно, почему объединение Корейского полуострова так необходимо» [8].

Парламентские контакты России и Республики Корея разного уровня затрагивают острые вопросы развития ситуации на Корейском полуострове и в целом на мировой арене. Они способствуют взаимопониманию народов России и Южной Кореи. Действуя в тесной увязке с мирополитическими, региональными и двусторонними обстоятельствами, парламентская дипломатия России и Южной Кореи накапливает необходимый опыт межстранового сотрудничества, содействующий формированию нового мирового порядка. При этом всегда надо иметь в виду, что и Северная Корея и Южная Корея, разьединенные или объединенные в единое государство соседи России, и от этого географического обстоятельства никуда не деться и никогда не избавиться, а потому лучше укреплять миро- и страно-любивые отношения и строить фундамент для добрососедства. Парламентская дипломатия и сотрудничество законодательных органов власти любых уровней – залог тому.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Цой Д. Западу придется смириться с «полицентричной архитектурой мира» // Известия, 16 июня 2016; В связи с заявлением С.В.Лаврова о полицентричности несколько странным воспринимается мнение А.Пушкова, сказанное в бытность председателем Комитета Госдумы РФ по международным делам, и изложенное М.Соколовой в «Парламентской газете», согласно которому «новая международная философия... не построена на принципах полярности». См.: Соколова М. Попытки изолировать Россию от международного сообщества провалились // Парламентская газета. 17-23 июня 2016. – О внешнеполитическом курсе России; Иванов И. Доктрина Путина // Российская газета. 2 октября 2015.
2. Генсек ООН Пан Ги Мун: Без России мы бы мало чего достигли // Парламентская газета. 17-23 июня 2016.
3. Концепция внешней политики Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/documents/2/25.html> Дата обращения 06.02.2017.
4. Строительство миропорядка возможно только с Россией. Интервью с Чрезвычайным и Полномочным Послом России в Германии В.М. Грининым // Известия. 7 июля 2016.
5. Давтян О. Интервью с Ли Джин Хёном: Вместе идти к общему процветанию. // Консул. 2015. №2 (40) С.18.
6. Субботина С. Интервью с академиком А.Чубарьяном. «Против нашей страны ведется информационная война» // Известия. 30 мая 2016.

7. **Ким Пёнчхоль.** Доклад на заседании РГ «образование и наука». II форум «Диалог Россия-Республика Корея» // Korea-Russia Dialogue «Альянс России и Республики Корея в деле модернизации и инновации. Proceedings. 2011. Note place. С.130.
8. **Долгошева А.** Корея взялась изучать Россию // Санкт-Петербургские ведомости. 22 декабря 2016.
9. **Коростиков М.** В Южной Корее стартовала полупрезидентская кампания // Коммерсантъ. 21 декабря 2016.
10. **Караганов С.** Российская внешняя политика: новый этап? // Российская газета. 26 мая 2016; Стратегия России. Российская внешняя политика: конец 2010-х – начало 2020-х годов. Тезисы рабочей группы Совета по внешней и оборонной политике. URL: [svop.ru/wp-content/uploads/2016/05 / тезисы_23 мая_sm.pdf](http://svop.ru/wp-content/uploads/2016/05/тезисы_23_мая_sm.pdf) (дата обращения 21.06.2016).
11. **Выступление В.В. Путина** на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума. 17 июня 2016 г. URL: [http // kremlin.ru / events/president/news/52178](http://kremlin.ru/events/president/news/52178) (дата обращения 22.06.2016).
12. **Галанина А., Забродин А., Коцур В., Онтиков А.** Россия видит надежду в новостях из-за океана // Известия. 10 ноября 2016.
13. **Выступление Президента России В.В. Путина** на пленарном заседании XIX Петербургского международного экономического форума 19 июня 2015 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/49733> (дата обращения 21.06.2016).
14. **Триединство: Россия перед близким Востоком и недалеким Западом:** Научно-литературный альманах. Вып.1: 10 лет со дня «черного вторника» сентября 2001 года – 2-е изд., доп. – М.: Грифон, 2012.
15. **Шлыков П.В.** Альтернативные подходы к евразийской интеграции: сравнительный анализ турецкого евразийства // Евразийский юридический журнал. 2016. №9 (100). С. 45-51 ISSN: 2073-4506
16. **Рукопожатия под столом** // Деловой Петербург. № 102, 20.06.2016.
17. **Панов П.** Россия планирует создать зоны свободной торговли с 12 странами // Известия. 20 июня 2016.
18. **Панаев Ю.** Визит с прицелом на Большую Евразию // Независимая газета. 20 июня 2016.
19. **См.:** URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/0626/c31521-9077473.html> (дата обращения 27.06.2016).
20. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52204> (дата обращ. 20 февраля 2016).
21. http://docviewer.yandex.ru/print.xml?uid=405647148@sk=b_08_cc (дата обращения 15.09.2016).
22. <http://kremlin.ru/events/president/news/52808> (дата обращения 15.09.2016).
23. **Едовина Т.** ЕАЭС ищет свободы торговли на востоке // Коммерсантъ. 6 октября 2016 – Наибольший интерес у южнокорейского бизнеса вызывают рынки РФ и Казахстана, в меньшей степени Киргизии. Впрочем, по данным "Ъ", в случае если четыре страны согласятся на заключение ЗСТ, то пятой

выпадающие доходы могут быть компенсированы за счет перераспределения пошлин. "Механизм действительно актуален как при заключении соглашения о ЗСТ, так и с учетом перехода к общей промышленной политике, но пока не формализован", — поясняет собеседник "Ъ".

24. <http://english1.president.go.kr/activity/briefing> (дата обращения 15.09.2016).

25. См.: «Американские оценки необъективны и продиктованы эмоциями». Интервью с директором департамента МИД РФ по вопросам нераспространения и контроля над вооружениями М. Ульяновым // Коммерсантъ. 31 марта 2016; **Строкань С.** Расширение ядерного саммита // Коммерсантъ. 31 марта 2016.

26. Kim Jong Un says N Korea will not use nukes first // Daily Sabah. May 9, 2016.

27. Цит. по: **Ильина Н.** Импичмент по знакомству // Ведомости. 30 ноября 2016.

28. Цит. по: **Ильина Н., Никольский А.** Политическая бомба // Ведомости, 13 сентября 2016.

29. См.: Бегущая строка телеканала Р-24, 11 октября 2016 г., 6 час.20 мин. москов.времени.

30. **Коростиков М.** КНДР возобновила производство плутония // Коммерсантъ. 18 августа 2016.

31. **Забродин А.** КНДР накроет США ядерным облаком // Независимая газета. 15 августа 2016; Missiles tests 'simulated strike on South' // The International. July 21, 2016; Blast from the past // The Economist. October 3rd, 2015, pp.49-50.

32. Концепция внешней политики Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451/print> (дата обращения 08.02.2017).

33. **Аптекарь П.** Корейская кухня // Ведомости. 12 сентября 2016.

34. Если Сеул сразится с Пхеньяном... // Санкт-Петербургские ведомости. 9 января 2017.

35. Цит. по: **Скосырев В.** Непредсказуемый Ким Чен Ын действует по рецепту Никсона // Независимая газета. 12 сентября 2016 г. – Сам В.Скосырев цитирует это высказывание Е.Кима, переадресованное «Независимой газете» посольством КНДР в Москве.

36. Цит. по: **Рабковский А.** Корейский клубок // Санкт-Петербургские ведомости. 30 сентября 2016.

37. **Аптекарь П.** Указ. Соч.; **Скосырев В.** Пекин может перекрыть кислород Ким Чен Ыну // Независимая газета. 27 сентября 2016.

38. **Скосырев В.** Китай разыгрывает карту КНДР в споре с американцами // Независимая газета. 20 сентября 2016.

39. **Скосырев В.** Ким Чен Ын хватается за ракету как за соломинку // Независимая газета. 4 августа 2016.

40. **Жебин А.** В поисках корейского компромисса // Независимая газета. 15 июля 2016.

41. См.: **Онтиков А.** КНДР пользуется своим правом на оборону. Известия. 4 августа 2016.

- 42. Степанов В.** Российско-корейские отношения испытали ракетами // Коммерсантъ. 4 августа 2016.
- 43.** Информация бегущей строки телеканала РБК. 21 августа 2016. 20.44 москов. времени.
- 44.** The World this week / The Economist. August 27th 2016, p.5; Коростиков М. Северокорейская ракета задала общий курс // Коммерсантъ. 25 августа 2016.
- 45. Паниев Ю.** Пентагон закрепляется на Дальнем востоке // Независимая газета. 2 февраля 2017.
- 46. Паниев Ю.** Модернизованная ПРО защитит Токио от Пхеньяна и Пекина // Независимая газета. 12 января 2017.
- 47.** <http://english1.president.go.kr/activity/briefing.September> 04.2016. (дата обращения 15.09.2016).
- 48. Юсин М.** Россия добилась позитивной динамики по Крыму // Коммерсантъ. 17 ноября 2016.
- 49.** См.: **Choe Sang-Hun.** Protesters urge leader to quit in South Korea // The New York Times. International Edition. November 14, 2016 ; **Коростиков М.** Шаман на высшем уровне // Коммерсантъ. 1 ноября 2016; **Скосырев В.** В Южной Корее жаждут расправы над подружкой президента // Независимая газета. 3 ноября 2016; Вот так подруга... // Санкт-Петербургские ведомости. 2 ноября 20146.
- 50.** Ведомости. 12 декабря 2016.
- 51. Коростиков М.** Южная Корея меняет курс на северный // Коммерсантъ. 10 декабря 2016.
- 52. Ильина Н.** Импичмент по знакомству // Ведомости. 30 ноября 2016; **Коростиков М.** Южной Корее нагадали нового президента // Коммерсантъ. 30 октября 2016; **Паниев Ю.** Пан Ги Мун может стать президентом Южной Кореи // Независимая газета. 13 декабря 2016; **Коростиков М.** В Южной Корее стартовала полупрезидентская кампания // Коммерсантъ. 21 декабря 2016.
- 53. Паниев Ю.** Пан Ги Мун может стать президентом Южной Кореи // Независимая газета. 13 декабря 2016.
- 54. Коростиков М.** Россия повернулась к Азии «Валдаем» // Коммерсантъ. 15 декабря 2016.
- 55. Скосырев В.** Сеул отверг переговоры с Пхеньяном // Независимая газета, 24 мая 2016.
- 56. Скосырев В.** Американский ракетный щит остановит Южную Корею без арбузов // Независимая газета. 14 июля 2016.
- 57. Коростовцев М.** Россия и Китай попали под противоракетный прицел // Коммерсантъ. 9 июля 2016.
- 58. Кловвер Ч., Сон Чжон А.** И в КНДР растут стартапы // Ведомости, 15 июля 2016.
- 59. Петровский В.Е.** Дилеммы азиатско-тихоокеанской интеграции в геоэкономическом и геополитическом контексте // Международная жизнь. 2015. №8. С.108-122. ISSN: 0130-9625

60. Эггерт А. Юнкер и «Авось» // Rewiev. Тематическое приложение к газете «Коммерсантъ». 20 июня 2016, № 107/П.
61. Башкатова А. После неудачного флирта с Китаем Россия повернулась к Европе // Независимая газета // 17 июня – 18 июня 2016.
62. Тарасенко П. Азии заметили уровень доверия // Коммерсантъ, 29 апреля 2016.
63. Киссинджер Г. Мировой порядок // Пер. с англ. В.Желнинова, А.Милюкова. М.: Изд-во АСТ. 2015.
64. Ко Дже Нам. Влияние российско-корейского сотрудничества в области дипломатической безопасности: оценка и задачи // Перспективы российско-корейских отношений на период до 2030 г. Сеул: Изд-во Секретариата ДРПК. 2016.
65. Инфраструктурные проекты на Дальнем Востоке // Лонг Бао. 13.14.2016.
66. Чечевишников А.Л. Восточный вектор российской политики и перспективы развития Дальнего Востока Сибири // Международные процессы. 2014. Том.12. №36-37. С. 51 – 75.
67. Писаренко С.В. Сибирь в западных геополитических конструкциях XX в. автореф. дисс.... канд. геогр. наук. 25.00.24. СПб., 2014. 23 с.
68. Денисов В. И. Ядерная проблема Корейского полуострова: есть ли выход из тупика? // Международная жизнь. 2015. №2. С. 118-134 ISSN: 0130-9625
69. Сурков Н. Интервью А.Тимонина: «Важно не замыкаться на попытках полностью изолировать КНДР» // Известия. 15 апреля 2016.
70. Коростиков М. Южная Корея все холоднее к Северной. Сеул не хочет общаться с КНДР до ее отказа от ядерного оружия // Коммерсантъ. 24 мая 2016 г.
71. Цит. По: Степанов Г. Ракеты КНДР достигли незапланированных целей // Коммерсантъ. 8 августа 2016.
72. Телеканал РБК. Бегущая строка. 28 июня 2016 г., 7 час. 15 мин. Время московское.
73. Райков Ю. А. Восточная Азия и новый мировой порядок // Международная жизнь. 2015. № 12. С. 95-105 ISSN: 0130-9625
74. Провинции Эквадора могут стать партнёрами российских регионов // Парламентская газета. 1-7 апреля 2016.
75. Брутенц К. Великая геополитическая революция: промежуточные итоги // Международная жизнь. 2015. № 12. С. 39-62 ISSN: 0130-9625
76. Вятчанин Н. Константин Косачев: Украина это символ разорванной Европы // Парламентская газета. 25 декабря 2015 г. – 14 января 2016 г.
77. В Минске говорили о конкретных делах // Российская Федерация сегодня. 2016. №7.
78. Вятчанин Н. Союзное государство // Российская Федерация сегодня. 2016, №7.
79. Ягья В.С. Парламентское измерение российско-корейского сотрудничества на государственном и региональном уровнях // Консул. 2011. № 1(24) С. 22-25.
80. Наша Смоленка. Поэтическая антология сотрудничества ветеранов МИД России. Стихи. М.: Вест-Консалтинг, 2012.

81. Соколова М. Попытки изолировать Россию от международного сообщества провалились // Парламентская газета. 17-23 июня 2016.

82. Цит. по: **Личный архив В.С. Ягья.** Запись беседы Председателя Совета Федерации РФ В.И. Матвиенко и Председателя Межпарламентского союза С.Чоудхури. 18 мая 2016 г.

83. Цит. по: **Личный архив В.С. Ягья.** Запись беседы Председателя Совета Федерации РФ В.И. Матвиенко и Председателя Межпарламентского союза С.Чоудхури. 20 мая 2015 г.

84. Личный архив В.С. Ягья. Запись беседы Председателя Законодательного Собрания Санкт-Петербурга В.С. Макарова и Председателя парламентской группы Национального собрания РК Ким Хан Гиля в Мариинском дворце 24 июля 2015 г.

YAGYA, Vatanyar S. – Saint-Petersburg State University. 191060, Smolnogo 1/3, 8 entrance, *Saint-Petersburg, Russia*. E-mail: vy190107@yandex.ru.

PARLIAMENTARY DIPLOMACY IN RUSSIAN-KOREAN COOPERATION

Cooperation between parliaments of Russia and the Republic of Korea has been going on for over twenty five years. Interparliamentary contacts are very important components of interstate diplomacy. Regional parliamentarians and municipal counties play active role too. The paper drawn on the report, delivered by the author in the second political-economic forum in context of Forum 'Dialogue Russia-Republic of Coria', June 14, 2016.

PARLIAMENTARY DIPLOMACY; NATIONAL AND REGIONAL PARLIAMENTARIES; RUSSIA; REPUBLIC OF KOREA; LEGISLATIVE ASSEMBLY OF THE CITY OF SAINT-PETERSBURG; SISTER CITIES; CITY-PARTNER
